ИЗЪ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА

М. Н. Галкина-Враского

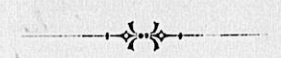

Поѣздка въ Сибирь и на островъ Сахалинъ

въ 1881—1882 гг.

Изъ путевого дневника

М. Н. Галкина-Враскою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяч., № 39.
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 января 1901 года.

Поѣздка въ Сибирь и на островъ Сахалинъ

въ 1881—1882 гг.

Изъ путевого дневника

М. Н. Галкина-Враского.

I.

Отъѣздъ изъ Петербурга.—Переѣздъ въ Тюмень.—Пароходство по рѣкамъ Западной Сибири.—Рѣка Тура.—Селеніе Артамоново.—Арестантская баржа.—Тобольскъ.—Отзывъ мѣстнаго архіерея.—Иртышъ.—Рыболовство.—Обь.—Остяки.—Городъ Сургутъ.—Административные ссыльные.—Томскъ.—Епископъ Петръ.—Сибирская легенда.—Маріинскъ.—Ачинскъ.—Грань Восточной Сибири.—Каинскъ.—Отставшая отъ политической партіи ссыльныхъ.—Ключинскій этапъ.—Дневка двухъ пересыльныхъ партій политическихъ ссыльныхъ.—Тулинскій полуэтапъ.—Пѣшеходное препровожденіе каторжныхъ.—Усольскій солеваренный заводъ.—Иркутскъ.—Отзывъ генералъ-губернатора о Сахалинѣ.—Пріютъ арестантскихъ дѣтей.—Державинскій портретъ.—Озеро Байкалъ.—Верхнеудинскъ.—Строющаяся тюрьма.—Пріютъ арестантскихъ дѣтей.—Б. А. Милютинъ.—Яблоновый хребетъ.—Чита.—Губернаторъ Ильяшевичъ.—Старый храмъ бывшаго Читинскаго острога.—Дома семей декабристовъ.

15-го і ю л я 1881 г. съ вечернимъ поѣздомъ я выѣхалъ въ Москву, отправляясь въ дальную командировку въ Сибирь и на островъ Сахалинъ [1]). Слѣдуя на Нижній-Новгородъ, Казань, Пермь и Екатеринбургъ, я, 27-го іюля, прибылъ въ Тюмень, откуда собственно, со слѣдующаго дня, начинается мое сибирское путешествіе.

---

[1]) Бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта М. Н. Галкинъ-Враской былъ командированъ, по вы-

28-го іюля. На пароходѣ «М. Рейтернъ». Пароходство по рр западной Сибири устроено нѣкіимъ Колчинымъ, и послѣ его смерти завѣдываніе дѣломъ перешло къ нижегородскимъ купцамъ Курбатову и Игнатову. Рѣдко за кѣмъ въ новомъ дѣлѣ устанавливается такая репутація, которой пользуется Игнатовъ, по признаваемымъ за нимъ честности, знанію дѣла и заботѣ не объ одной лишь личной выгодѣ, но также и о пользѣ краю. Извѣстна особенная привязанность сибиряковъ къ своей родинѣ, но Сибирь, повидимому, и не однихъ туземцевъ привлекаетъ къ себѣ и роднитъ съ собою. Извилистая рѣка Тура гостепріимно приняла насъ въ свои сибирскія воды. Первая остановка была на станціи Артамоновой. Это первая сибирская небольшая деревня, съ часовней, съ хорошо обстроенными домами, крытыми тесомъ. При всѣхъ крестьянскихъ домахъ имѣется смежно такой же, какъ и изба, срубъ, гдѣ помѣщаются скотъ и всѣ хозяйственныя принадлежности. Постройки большею частію двухэтажныя. Дворы, за легкой изгородью, содержатся чисто. Въ Артамоновой была осмотрѣна арестантская баржа, слѣдующая на буксирѣ парохода. Впечатлѣніе хорошее. Подобная перевозка не оставляетъ желать лучшаго. Сопровождающіе арестантскую партію офицеръ конвойной стражи и докторъ дружно коротаютъ время, дѣля совмѣстно небольшую на баржѣ каюту и неся заботы, каждый по своей обязанности, далеко не легкой при составѣ арестантскихъ партій въ 700 человѣкъ. И офицеръ и докторъ располагаютъ къ себѣ.

При остановкахъ, нижнимъ чинамъ команды разрѣшается, по очереди, грузить дрова на нашъ пароходъ. Такимъ образомъ они зарабатываютъ нѣкоторую за это сумму, а необходимый при этомъ моціонъ, при караульной службѣ на баржѣ, обезпечиваетъ ихъ здоровье. Изъ числа арестантовъ было больныхъ всего 4 человѣка.

Я роздалъ дѣтямъ арестантовъ азбуки, а всѣмъ остальнымъ—книжки для чтенія, также евангелія и молитвенники синодскаго изданія.

29-го, въ середу, утромъ пристали къ Тобольску. У подножія высокой горы расположена бо́льшая часть города. На горѣ красиво высится кремль съ архіерейской усадьбой и со старинными церквами. Рядомъ влѣво—небольшой садъ съ обелискомъ въ память Ермака, а вправо зданія присутственныхъ мѣстъ. Далѣе по берегу высокій частоколъ укрываетъ за собою разныя арестантскія помѣщенія...

сочайшему повелѣнію императора Александра III, для изслѣдованія современнаго состоянія сибирской ссылки и каторги, въ виду необходимости принятія мѣръ къ упорядоченію и улучшенію этой части. Путь лежалъ первоначально черезъ всю Сибирь на Сахалинъ и оттуда на Владивостокъ, Китай, Японію и Монголію обратно въ сибирскія губерніи. Оффиціальный отчетъ по командировкѣ былъ, въ свое время, напечатанъ. Здѣсь же сообщается дневникъ болѣе частнаго характера. Ред.

Мѣстный архіерей, бывшій рязанскій викарій, жаловался на неудовлетворительность замѣщенія священническихъ вакансій: «изъ Рязани никто нейдетъ, здѣсь же достойныхъ мало». Къ вечеру пароходъ отчалилъ За поворотомъ исчезъ изъ вида Тобольскъ, и намъ предстали живописные берега Иртыша. Возвышенныя прибрежья, съ залегающими какъ-бы въ ущельяхъ, луговинами, покрыты сплошь лѣсомъ. Пожаръ коснулся однако и здѣшнихъ пустынныхъ мѣстъ и опалилъ или сжегъ значительныя площади лѣсной тайги. Тамъ и сямъ, по обоимъ берегамъ Иртыша, встрѣчаются рыболовныя ватаги, съ разставленными сѣтями, виднѣются лачуги рабочихъ, а тутъ вотъ и лодка съ нѣсколькими изъ нихъ заводитъ неводъ многосаженной длины. Прекрасная погода вызывала къ работѣ. Обиліе и качество рыбы съ успѣхомъ вознаграждали работу, но самый промыселъ въ первобытномъ видѣ. Расположенныя изрѣдка, на громадныхъ разстояніяхъ, прибрежныя селенія отличаются видимой зажиточностію.

31-го іюля вошли въ Обь. Рѣка-море поглотила воды Иртыша и, не допуская преградъ своему разливу, несетъ свои вешнія воды среди плоскихъ однообразно-пустынныхъ береговъ. Ватаги и небольшія селенія встрѣчаются уже рѣже, да и сами берега уходятъ мѣстами въ такую даль, что ихъ не видно. По берегамъ, по преимуществу, растетъ тальникъ, надъ нимъ изрѣдка высится густою шапкою чернолѣсье, да въ просвѣтахъ чернѣетъ сибирскій кедръ. Такова приобская мѣстность. Въ примѣръ обилія рыбъ, можно привести, что на ватагѣ двухъ крестьянъ Замятиныхъ, изъ деревни Кушниковой, на рѣкѣ Оби, вылавливается до 4.000 осетровъ, вѣсомъ въ 3—4 пуда. Для отвоза рыбъ содержатся табуны лошадей до 300 и болѣе. Табуны эти пасутся лѣтомъ безъ всякаго надзора и лишь осенью ихъ загоняютъ въ селенія. Встрѣчающіеся по берегамъ остяки имѣютъ тутъ только лѣтніе пріюты на время рыболовства. Сооруженные изъ бересты шалаши укрываютъ ихъ отъ непогодъ. Они снимаютъ въ урванахъ съ толстыхъ, едва въ обхватъ, березъ бересту, провариваютъ ее, сшиваютъ и устраиваютъ такимъ образомъ свои лѣтнія жилища. Добываемую же рыбу они сушатъ на воздухѣ, развѣшивая на протянутыхъ веревкахъ, и такія нити, съ нанизанною на нихъ рыбою, подобно паутинѣ, оплетаютъ занятыя ими прибрежныя мѣста. На зиму они свертываютъ эти берестовыя жилища и оставляютъ ихъ тутъ же, вмѣстѣ съ сѣтями-неводами и всѣми принадлежностями въ особо устроенныхъ деревянныхъ амбару́шкахъ на высокихъ подпоркахъ, необходимыхъ на время разлива. На зиму остяки перебираются въ глубь къ берегамъ небольшихъ рѣчекъ-притоковъ, гдѣ и зимуютъ въ землянкахъ. Употребляемыя здѣсь лодки отличаются тою особенностью, что вся средняя часть прикрыта наглухо полукруглымъ низкимъ верхомъ съ

выходною у кормы дверью. Такимъ образомъ получается помѣщеніе, ограждающее отъ непогоды и удобное для сна.

1-го августа на высотѣ города Сургута. Въ разливъ суда подходятъ къ самому городу, теперь же до него верстъ съ 7-мь. Исправникъ выѣхалъ къ встрѣчѣ парохода. Это его единственное, еженедѣльное развлеченіе во время навигаціи. Въ Сургутѣ, съ 1.000 жителей, находится теперь до 8 политическихъ ссыльныхъ, административно высланныхъ по нѣкоторымъ дѣламъ, въ томъ числѣ по исторіи на площади Казанскаго собора. Изъ нихъ Фалинъ женился на дочери одного ссыльнаго, имѣющаго тутъ слесарное заведеніе, гдѣ и Фалинъ сталъ заниматься. Остальные тоже пристроились къ разнымъ мастерствамъ, за исключеніемъ Левина, который, по нахожденіи его отца на службѣ въ Томскѣ, стремится туда, о чемъ и ходатайствуетъ. Кстати о политическихъ ссыльныхъ, въ Тобольскѣ, въ секретной одиночной во дворѣ, при особомъ надзирателѣ, содержится Ѳоминъ, желавшій освободить Кропоткина и стрѣлявшій по жандармамъ. Одиночное заключеніе неблагопріятнаго вліянія на него не производитъ. Онъ здоровъ и никакихъ желаній не высказывалъ. Въ Тымскомъ селеніи и въ городѣ Нарымѣ, выше по Тоболу, находятся тоже политическіе-административные.

Приближаясь къ Томску, окрестныя мѣстности становятся разнообразнѣе, оживленнѣе. Тутъ имѣются значительныя селенія старовѣровъ, занимающихся пчеловодствомъ.

5-го августа, поздно вечеромъ, пароходъ всталъ на якорь у Томской пристани, въ 7—8 верстахъ отъ города. Дурная дорога, отсутствіе освѣщенія, темная ночь, таковы были условія переѣзда въ городъ. Я остановился по приглашенію, въ домѣ 80-лѣтняго старика, богатаго купца-вдовца Я. П. Петрова-Родіонова. Старикъ крайне симпатичный, умный, какъ говорится, бывалый, близко знакомый съ краемъ и населеніемъ. Первое впечатлѣніе при взглядѣ на него, когда онъ вышелъ меня встрѣтить, поддерживаемый лакеемъ,—было поражающее: до того онъ колоссаленъ. Въ немъ не менѣе 15—16 вершковъ. Огромная голова, широкія плечи и большая тучность—придаютъ ему монументальный видъ. Онъ вѣроятно замѣтилъ произведенное имъ впечатлѣніе и по этому поводу, за ужиномъ, разсказалъ, смѣясь, бывшій съ нимъ въ Москвѣ случай, когда въ гостиномъ дворѣ, что противъ памятника Минина и Пожарскаго, онъ зашелъ въ лавку готоваго платья и пожелалъ купить для себя пальто. Приказчикъ, взглянувъ на него, побѣжалъ за хозяиномъ, а этотъ послѣдній обиженнымъ тономъ: — «что вы, помилуйте-съ, развѣ мы шьемъ платье на Минина и Пожарскаго». Повеселѣлъ отъ разсказа мой домохозяинъ и спрашиваетъ: не выпить ли «господскаго»? «того, что господа пьютъ»—смѣется старикъ. Такъ называлъ онъ шампанское.

На другой день, 6-го августа, въ день Спаса, въ 8-мъ часу, я былъ у обѣдни тутъ же, по сосѣдству, въ женскомъ монастырѣ, устроенномъ заботами покойной жены того же моего домохозяина. Затѣмъ слѣдовали обычныя посѣщенія, а потомъ въ тотъ же день я приступилъ къ осмотру и ревизіи тюремныхъ учрежденій. По пересыльной тюрьмѣ обратилъ на себя вниманіе старикъ-врачъ О. изъ бывшихъ сосланныхъ поляковъ, который снискалъ общее уваженіе своею исключительною заботливостію объ арестантахъ, ихъ семьяхъ и дѣтяхъ.

Изъ числа провожавшихъ меня при выѣздѣ 9-го августа изъ Томска и завтракавшихъ со мной за городомъ на лугу подъ деревьями, назову давняго, хорошаго знакомаго Н. Ив. Александрова, мѣстнаго жандармскаго губернскаго начальника, бывшаго въ томъ же званіи въ Ревелѣ за время моего губернаторства въ 1868—70 гг., и управляющаго казенной палатой М. А. Гилярова, старожила Сибири и лѣтъ 20-ть, если не болѣе, управляющаго палатой, человѣка почтеннаго, преданнаго интересамъ Сибири, любящаго и знающаго край. Онъ обратился ко мнѣ съ теплымъ словомъ, въ коемъ выражалъ надежду, что, независимо спеціальнаго характера моей командировки, она не останется безъ вліянія и на общіе вопросы Сибири. Въ благодарной памяти припоминались изъ бывшихъ генералъ-губернаторовъ: по восточной Сибири графъ Муравьевъ-Амурскій и по западной: генералы Гасфортъ и Хрущовъ (послѣдній, какъ честный, прямой человѣкъ-воинъ). Въ день отъѣзда, передъ самымъ выѣздомъ посѣтилъ меня на квартирѣ мѣстный епархіальный епископъ Петръ и благословилъ на дальній путь. Въ разговорѣ онъ коснулся извѣстнаго старца, Ѳеодора Кузьмича, умершаго незадолго передъ тѣмъ въ Томскѣ, въ своей кельѣ, во дворѣ дома купца Хромова. Обаяніе этого старца съ его кончиной все возростало. Онъ пользовался всеобщимъ почитаніемъ за его строго-отшельническую жизнь, обладалъ, какъ повѣствуютъ жители Томска, прозорливостію, вѣрно предугадывалъ событія. Бродяжническая жизнь его началась со второй половины 20-хъ годовъ и ей сопутствовала громкая легенда. Судя по его осанкѣ, росту, высотѣ стопы, взгляду и разговору, въ этомъ «непомнящемъ родства» мѣстные жители видѣли человѣка знатнаго и никого другаго, какъ императора Александра 1-го, яко бы, въ свое время, подмѣненнаго другимъ покойникомъ и съ обоюднаго согласія съ императрицей принявшаго на себя подвигъ скитальчества...

На переѣздѣ черезъ Маріинскъ и Ачинскъ въ Красноярскъ—восхищали прелестныя лѣсныя, гористыя мѣста, окаймлявшія дорогу. Тутъ тянется непроходимая сибирская тайга, сплошная до моря чаща лѣса. Въ Ачинскомъ уѣздѣ на границѣ Восточной Сибири, меня встрѣтили: енисейскій губернскій почтмейстеръ Рубецъ, губернскій архитекторъ Лоссовскій, исправникъ Ѳедоровъ (бывшій студентъ Московскаго университета) и

также инспекторъ ссыльнаго тракта, полковникъ Загаринъ. Генералъ-губернаторъ Анучинъ телеграммой мѣстному губернатору любезно поручалъ привѣтствовать меня на границѣ края и просилъ облегчить мой переѣздъ. Архитекторъ былъ необходимъ при осмотрѣ строительныхъ работъ и обсужденіи строительныхъ же предположеній по тюрьмамъ и попутнымъ этапамъ. Неудовлетворительность слѣдственной части и здѣшнихъ судебныхъ порядковъ вообще содѣйствуетъ крайнему переполненію тюремъ. Особенно значительно число судимыхъ за бродяжничество и безпаспортность. Пребываніе многихъ административныхъ въ различныхъ пунктахъ и пересылка политическихъ каторжныхъ особенно озабочиваютъ здѣшнюю администрацію и понятно почему: постоянныя изъятія и распоряженія то въ одномъ, то въ другомъ направленіи кого не собьютъ съ толку.

Выѣхавъ изъ Красноярска, 13-го августа въ 3 часа дня, я на слѣдующій день, къ вечернему чаю, пріѣхалъ на ночлегъ въ село Тинское, сдѣлавъ 300 верстъ. Не доѣзжая верстъ 100 до Тинской станціи, при посѣщеніи тюрьмы въ городѣ Каинскѣ, я нашелъ въ женскомъ отдѣленіи отставшую, за болѣзнью, отъ политической партіи жену административно-ссылаемаго въ Якутскую область Лёгкаго. Она вышла за него, во время его содержанія въ Харьковѣ, пожелавъ съ нимъ слѣдовать въ ссылку. Теперь же, сказавшись больной, осталась здѣсь, чтобы не сопутствовать мужу. Это была женщина очень молодая, миловидная, съ живымъ, умнымъ выраженіемъ и видимо благовоспитанная.—Я не желаю съ нимъ ѣхать,—говорила она мнѣ. Нашъ бракъ фиктивный. Онъ мнѣ выдалъ билетъ на свободное проживаніе. Я вольна ѣхать куда хочу. Я желала бы ѣхать на Кару (въ Забайкалье, гдѣ имѣется спеціальная тюрьма для политическихъ арестантовъ).

— Вашему мужу—отвѣчалъ я—назначена мѣстопребываніемъ Якутская область.

— Да, но я, право, не могу и не хочу ему сопутствовать. Развѣ на Карѣ нельзя жить, туда же ѣдетъ Дмоховская (сестра ссыльно-каторжнаго).

— Она получила,—поясняю я,—особое разрѣшеніе замѣнить мать, больную, старую женщину, которая и по правиламъ могла бы тамъ жить при сынѣ. Вы же не имѣете тамъ ни брата, ни сына.

— Я желаю выдти замужъ.

— Для этого предварительно нуженъ разводъ, да имѣетъ ли право на бракъ тотъ, за котораго вы теперь собираетесь выдти замужъ?

— Да, онъ оканчиваетъ каторгу.

— Кто же это?

— Войноральскій.

— Вѣдь онъ женатъ. Я помню его молодую жену, разрѣшившуюся

отъ бремени въ Саратовской тюремной больницѣ, при заарестованіи ея съ мужемъ.

— Они развелись.

— Какъ же такъ быстро располагаете вы собой: то выходите замужъ—фиктивно, говорите вы, то сопровождаете мужа, то бросаете его, узнавъ лишь въ дорогѣ Войноральскаго, рѣшаете разводъ и, не начавъ еще дѣла и не получивъ развода, собираетесь уже за другаго, мѣняете въ своихъ предположеніяхъ Якутскъ на Кару, не зная даже, разрѣшается ли тамъ жить. Какъ же это такъ?

Въ отвѣтъ—слезы, а затѣмъ, съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ:

— Я лучше уѣду въ Россію, только не съ мужемъ, я его убью, если насъ соединятъ.

— Просите о разрѣшеніи вернуться. Подобныя ходатайства обыкновенно разрѣшаются. Подайте просьбу генералъ-губернатору.

Вотъ одинъ изъ многихъ печальныхъ случаевъ изъ жизни этихъ лицъ.

За Тинской станціей слѣдовала Ключинская, куда я пріѣхалъ, послѣ ночлега, часовъ въ 8 утра. Здѣсь на этапѣ дневали двѣ, соединенныя въ предѣлахъ Восточной Сибири въ одну, высланныя въ послѣднее время, политическія партіи, одна—изъ Мценска съ Дмоховскимъ, Войноральскимъ, Мышкинымъ во главѣ; другая — изъ Петропавловской крѣпости съ Зунделевичемъ, Бухомъ и др. Были и женщины. Нѣкоторые мужчины во дворѣ стирали бѣлье, другіе—чистили картофель. Въ большой камерѣ, гдѣ помѣщались они, Дмоховскій обратился ко мнѣ (я его уже зналъ по Харьковской централкѣ, какъ называются ими Бѣлгородская и Борисоглѣбская тюрьмы), съ просьбой отъ имени всѣхъ. Перечень пожеланій на небольшомъ листкѣ бумаги онъ держалъ въ рукѣ. Первое заявленіе заключалось въ томъ, что, при дороговизнѣ хлѣба, 10 коп. кормовыхъ для непривилегированныхъ не достаточно. Дѣйствительно, 1 фунтъ хлѣба продавался по 4 коп. и даже по 5-ти. Въ Иркутской губерніи, куда имъ предстояло затѣмъ перейти, кормовая плата была уже возвышена до 18 коп. Потомъ интересовались знать—всѣхъ ли каторжныхъ помѣстятъ на Карѣ, или же въ разныхъ мѣстахъ; отбывшихъ каторгу—освободятъ ли тотчасъ и т. под. вопросы, вызывавшіе на объясненія. Наконецъ, отдѣльно отъ другихъ, тотъ же Дмоховскій просилъ за упомянутую Лёгкую, которая, какъ оказалось, была его двоюродною сестрой, чтобы не соединяли ее съ мужемъ и дали ей возможность возвратиться на родину. Между тѣмъ, Лёгкій тоже отсталъ отъ партіи и хотя позднѣе жены, но былъ возвращенъ въ Каинскъ, такъ какъ по правиламъ пересылки не слѣдовало разлучать супруговъ. Противу этого Лёгкаго возстали въ партіи, и,—какъ писалъ Лёгкій къ инспектору пересылки арестантовъ, — его стали

подозрѣвать въ измѣнѣ. Тутъ вообще возникли поводы къ сомнѣніямъ, какъ равно и въ цѣли устраненія Лёгкой отъ ея мужа, въ виду несомнѣннаго ея легкомыслія...

Дальнѣйшій путь лежалъ по Иркутской губерніи.

Сравнивая съ пройденнымъ уже пространствомъ, приходишь къ заключенію, что общее благосостояніе сибирскихъ селеній почти повсемѣстно одинаково, равно дѣловиты волостныя и сельскія власти, одинаково тяжелы повинности по устройству и содержанію дорогъ, та же дороговизна почтовой гоньбы и тѣ же крайне запущенные этапы и полуэтапы и т. п. Такъ, рядомъ съ приглядными сторонами жизни, укладываются немощи управленія, но какъ таковыя ни велики, онѣ не подорвали силъ населенія и не убили вѣры въ предстоящій расцвѣтъ этого забытаго пока края...

Прежде, чѣмъ занести въ дневникъ мой пріѣздъ въ Иркутскъ, упомяну о попутномъ полуэтапѣ Тулинскомъ, который я нашелъ въ такомъ разрушенномъ, буквально, положеніи, что счелъ нужнымъ предупредить телеграммой генералъ-губернатора о необходимости миновать его при предстоявшемъ слѣдованіи политической партіи ссыльныхъ. Кстати о препровождаемыхъ партіяхъ. Я встрѣчалъ и осматривалъ въ пути слѣдовавшія партіи каторжныхъ. Идутъ они терпѣливо, благопріятная погода придаетъ имъ бодрость духа. Конвойные ведутъ ихъ въ порядкѣ. Идутъ же нѣкоторые босыми, дотого дурны коты (обувь арестантская), которыми они были снабжены. Арестанты чинятъ ихъ въ пути, но наконецъ они разваливаются окончательно. Заболѣвающіе въ пути арестанты задерживаются въ городахъ въ тюремныхъ больницахъ и еще при 3-хъ этапахъ, гдѣ имѣются военные лазареты и медицинскій надзоръ. Такимъ образомъ возможно пользоваться медицинскою помощью черезъ каждыя 200 верстъ. Для облегченія слѣдованія имѣются при каждой партіи конныя подводы для женщинъ, дѣтей и немощныхъ.

18-го августа, передъ самымъ прибытіемъ въ Иркутскъ, я свернулъ съ почтовой дороги въ сторону—въ Усольскій солеваренный заводъ, гдѣ работаютъ каторжные, разряда исправляющихся, доставляе-мые туда изъ смежной Александровской каторжной тюрьмы. Усольскія варницы, принадлежа казнѣ, сданы съ торговъ, съ обязательствомъ употребленія каторжныхъ на работы по добыванію соли. Для надзора командированы на заводъ пять казаковъ. По совершенной неожиданности моего непредвидѣннаго въ этотъ разъ пріѣзда, пришлось ознакомиться съ обыденнымъ положеніемъ дѣла. Оказалось, что въ отношеніи содержанія рабочихъ-каторжныхъ не установлено никакихъ указаній. Они лишь сносятся со счетовъ казны, поступая на частное довольствіе; казаки же были очень озадачены вопросомъ—въ чемъ заключаются ихъ обязанности. Во время казеннаго управленія, существовала при заводѣ большая казарма для помѣщенія рабочихъ изъ каторжныхъ. Ссыльные поляки были тогда (въ 30—40-хъ годахъ) пріурочены къ этому дѣлу. Казарма эта теперь пустуетъ. Арестанты же, называемые коротко—рабочими, живутъ въ селеніи, смежномъ съ варницами, въ своихъ, или наемныхъ домахъ, вмѣстѣ съ своими семьями, носятъ одинаковое съ рабочими платье (очень распространенныя здѣсь блузы), заняты, по преимуществу, перевозкою соли, заготовленіемъ дровъ, сплавомъ ихъ, словомъ, ведутъ жизнь вольныхъ рабочихъ. Если кто изъ нихъ бѣжитъ, и когда замѣтятъ, сообщаютъ мѣстному становому, выждавъ обыкновенно нѣкоторое еще время, въ ожиданіи, не вернется ли самъ. Кормитъ ихъ заводское управленіе хорошо. Для заболѣвающихъ имѣется больница. Заработокъ достигаетъ до 15-ти руб. и болѣе въ мѣсяцъ. Одновременно была осмотрѣна мною, находящаяся въ сосѣдствѣ съ заводомъ, Александровская каторжная тюрьма, перестроенная изъ казеннаго винокуреннаго завода. Подробную ревизію, за недостаткомъ времени, пришлось отложить до зимняго пребыванія въ Иркутскѣ. Здѣсь упомяну только, что при тюрьмѣ имѣется кирпичный заводъ и что арестанты изъ выдѣлываемаго кирпича возводятъ нѣкоторыя постройки. Производятся также и другія различныя работы, по частнымъ заказамъ. Одѣваютъ же и обуваютъ арестантовъ съ подряда, за дорогую большею частью цѣну, какъ и во вообще всѣхъ сибирскихъ тюрьмахъ, хотя среди директоровъ мѣстныхъ тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій имѣются желающіе заниматься тюремнымъ хозяйствомъ. Въ числѣ 600 заключенныхъ въ тюрьмѣ оказалось 130 чел. немощныхъ всякаго рода: слѣпыхъ, калѣкъ, одряхлѣвшихъ по старости, коимъ всѣмъ мѣсто въ богадѣльнѣ.

19—21-го августа. Иркутскъ. Вслѣдствіе отхода срочнаго байкальскаго парохода 21-го августа, здѣсь предстояло мнѣ пробыть менѣе 2-хъ сутокъ. День 19-го августа прошелъ въ обычныхъ взаимныхъ посѣщеніяхъ и ознакомленіи съ нѣкоторыми дѣлами. Д. Г. Анучинъ высказалъ мнѣ, между прочимъ, что, по его мнѣнію, островъ Сахалинъ наиболѣе пригоденъ для поселеній, такъ какъ работъ собственно каторжнаго разряда тамъ не много. 20-го августа—осмотръ тюремъ и пріюта арестантскихъ дѣтей. Послѣдній, благодаря щедротамъ и заботамъ мѣстныхъ дамъ-директриссъ, съ Ю. И. Базановой во главѣ, устроенъ прекрасно и вполнѣ благоденствуетъ. Предполагается завести при немъ особое отдѣленіе для еврейскихъ дѣтей.

Обѣдомъ, въ радушной семьѣ генералъ-губернатора Анучина, закончилось мое пребываніе въ Иркутскѣ. Большой, во весь ростъ, портретъ Державина, въ собольей шубѣ, съ такой же мѣховой шапкой на головѣ, сидящаго у подножія скалы, въ виду Иркутска и блестящихъ водъ Ангары,—занимаетъ одну изъ стѣнъ столовой. Переданная мнѣ исторія

этого портрета та́, что Державинъ, получивъ отъ сибиряковъ въ даръ соболью шубу и шапку (по какому поводу—неизвѣстно)—прислалъ этотъ портретъ, украшающій теперь помѣщеніе генералъ-губернаторскаго дома.

Я выѣхалъ въ ночь на 21-е августа и быстро миновалъ 60-ти-верстное пространство до Листвяничной. Пароходъ былъ подъ парами и ровно въ 6 часовъ отчалилъ отъ берега. Погода казалась въ началѣ благопріятной, но вскорѣ измѣнилась, такъ что изъ предосторожности было рѣшено бросить якорь, не доходя противоположной пристани Боярской, въ дер. Клюевой, такъ какъ станція Боярская, при прибоѣ въ ея сторону, вслѣдствіе каменистаго грунта, не безопасна для причала. Въ Клюевой нашлись, по счастью, необходимыя три тройки, и я могъ безостановочно продолжать путь съ моимъ спутникомъ П. А. Титовымъ [1]) и сопровождающимъ меня помощникомъ управляющаго почтовой частію въ Восточной Сибири, только-что переведеннымъ изъ Бердянска, симпатичнымъ Н. П. Фабриціемъ. При мнѣ находился еще курьеръ Зайцевъ. Путь лежалъ по выбитой мѣстами въ скалахъ дорогѣ. А что сказать про Байкалъ? Огромная котловина, обрамленная высокими горами, съ могучими, всегда бушующими волнами—полна величія. Окрестныя же мѣста, по Круго-Байкальскому пути, то дики и угрюмы съ покрывающими горы хвойными лѣсами, то крайне привлекательны, когда горы, отходя въ сторону, даютъ мѣсто ровной поверхности, покрытой кустарникомъ и густой цвѣтистой зеленью. Все еще такъ свѣжо, что не вѣрится наступающей осени. Говорятъ—не въ примѣръ благопріятный годъ. Слава Богу! Путь до Сахалина еще долгій.

22-го августа, **Верхнеудинскъ**. Пріятное впечатлѣніе производитъ новая строющаяся тюрьма. Когда же потомъ я осмотрѣлъ теперешнюю, старую тюрьму, то невольно задался вопросомъ: зачѣмъ строится новая, когда старая настолько еще сносна, что съ помощью построеннаго во дворѣ, на случай переполненія, барака—могла бы смѣло ждать замѣны новою, пока не замѣнятся другія, приходящія уже въ дѣйствительное разрушеніе. Новое доказательство необходимости личной на мѣстахъ провѣрки поступающихъ представленій, по сравненіи съ общимъ положеніемъ дѣла. Здѣсь же я узналъ о существованіи пріюта для арестантскихъ дѣтей, о которомъ у насъ, въ тюремномъ управленіи,—не имѣлось свѣдѣнія. Прекрасное, принадлежащее пріюту, въ отдѣльномъ домѣ, съ надворными постройками, помѣщеніе, хорошая внутренняя обстановка,

[1]) Павелъ Александровичъ Титовъ, дѣлопроизводитель и впослѣдствіи инспекторъ главнаго тюремнаго управленія, состоялъ при мнѣ въ качествѣ секретаря. Нынѣ въ отставкѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, хозяйничаетъ въ своемъ имѣніи, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи.

здоровый, веселый видъ дѣтей,—все это радуетъ и вмѣстѣ изумляетъ: какъ это здѣсь, въ небольшомъ городкѣ, въ такой дали и, такъ сказать, втихомолку могло возникнуть и упрочиться подобное заведеніе, которыхъ не много, къ сожалѣнію, и въ большихъ центрахъ. Возникло же оно по мысли и при дѣятельномъ содѣйствіи Бориса Алексѣевича Милютина, брата двухъ столь извѣстныхъ нашихъ историческихъ дѣятелей, за время его службы въ Сибири и временнаго управленія Забайкальской областью, при участіи и сердечномъ отношеніи нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей и въ особенности врача Казанскаго, который и теперь находится тутъ на службѣ.

Здѣшняя мѣстность богата хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Хлѣбъ теперь только-что собрали. Селенія же обстроены бѣднѣе, чѣмъ по главному сибирскому тракту. Тутъ уже встрѣчаются братскія-бурятскія юрты. Картина оживляется съ приближеніемъ къ Яблоновому хребту. Перевалъ главнаго хребта достигаетъ 4.000 футъ. Неподалеку, въ песчаной котловинѣ пріютился областной городъ **Чита**. 24-го августа, поздно вечеромъ въѣхалъ я въ Читу. Радушно встрѣченный старымъ знакомымъ по астраханской-ветлянской чумѣ (1878—79 гг.) Л. Ив. Ильяшевичемъ [1]), здѣшнимъ губернаторомъ, и его женой, Аделаидой Ивановной, я помѣстился у нихъ въ саду въ прекрасно отдѣланной, убранной коврами и обставленной мебелью юртѣ (по-киргизски кибитка). Былъ 11-й часъ. Чай былъ приготовленъ на террасѣ дома, выходившей въ садъ. Было хорошо, даже тепло. При свѣтлой, лунной ночи, ярко выступали окружающія городъ горы, а вдали, какъ бы изъ-за тумана, выяснялись очертанія Яблоноваго хребта.

25-го **августа** утромъ, осмотрѣвшись кругомъ, въ своемъ новомъ жильѣ, съ удовольствіемъ убѣдился, что мой заботливый хозяинъ не только служебной исполнительностью, но и примѣромъ по домашнему хозяйству, призванъ, повидимому, оказать услугу далекому краю. Съ ранняго утра, онъ уже съ садовникомъ и рабочими возился въ разводимомъ при домѣ саду - огородѣ. Рядомъ, на площади, слышатся командныя слова́, идетъ смотръ новичкамъ-новобранцамъ, казакамъ, передъ роспускомъ ихъ по домамъ, для осеннихъ работъ. Бурятскій мальчикъ лѣтъ 13-ти, въ красной рубашкѣ, толково передаетъ, что генеральша проситъ пить чай. Оказывается, что Аделаида Ивановна взяла

[1]) Ген. шт. ген.-м. Ильяшевичъ состоялъ въ 1879 году въ распоряженіи бывшаго временнаго астраханскаго, саратовскаго и самарскаго генералъ-губернатора, генерала-адъютанта графа Лорисъ-Меликова, при исполненіи имъ высочайшаго порученія по примѣненію мѣръ къ прекращенію обнаружившейся въ Астраханской губерніи „заразы" и къ предупрежденію дальнѣйшаго ея распространенія на другія мѣста. Я былъ въ это время Саратовскимъ губернаторомъ и по порученію графа Лорисъ-Меликова предсѣдательствовалъ въ учрежденной при немъ совѣщательно-санитарной коммиссіи, въ числѣ членовъ коей находился и ген. Ильяшевичъ.

въ домъ осиротѣлыхъ дѣтей бѣдныхъ бурятъ, двухъ мальчиковъ и ихъ сестру. Мальчики прислуживаютъ за столомъ, а дѣвочка служитъ за горничную. Они уже выучились говорить по-русски. Мальчики ходятъ, по-очереди, въ школу, а дѣвочка учится грамотѣ дома.

День прошелъ въ осмотрѣ мѣстныхъ тюремныхъ помѣщеній.

26-го августа былъ въ старой церкви бывшаго Читинскаго острога, построенной при переводѣ сюда декабристовъ. Престарѣлый священникъ, бывшій въ то время причетникомъ, показывалъ мнѣ эту церковь. Храмъ двухэтажный. Въ нижней церкви, передъ клиросомъ, помѣщенъ большой образъ—«Снятіе со Креста», работы декабриста Андреева. При церкви нѣсколько могилъ. Дома семействъ декабристовъ окаймляли церковную площадь.

II.

Нерчинскъ.—Коммерціи совѣтникъ Бутинъ.—Срѣтенскъ.—Пароходъ „Ингода".—Рѣка Шилка.—Семь смертныхъ грѣховъ.—Усть-Кара.—Рѣка Амуръ.—Резиденція золотоносныхъ пріисковъ.—Благовѣщенскъ.—Мѣстные дезидераты.—Поселокъ Марьино.—Станица Михайло-Семеновская.—Хабаровка.—Генералъ Барановъ и полковникъ Барабашъ.—Разливъ Амура.—Шквалъ.—Гиляцкій поселокъ.—Николаевскъ.—Иностранные коммерсанты.—Шхуна „Ермакъ".

28-го августа утромъ послѣдовалъ отъѣздъ изъ Читы, на Нерчинскъ, въ Срѣтенскъ, откуда срочный пароходъ въ Хабаровку [1]) долженъ былъ отойти 1-го сентября.

Остановка въ Нерчинскѣ, въ домѣ коммерціи-совѣтника Бутина, доставила мнѣ случай познакомиться съ этой замѣчательной по предпріимчивости и энергіи личностью. Чѣмъ только не занимается онъ. У него имѣются и золотые пріиски, и желѣзодѣлательный заводъ, и винокуренные заводы; производится торговля краснымъ товаромъ по всей Восточной Сибири; изготовляются сельско-хозяйственныя орудія, строятся пароходы; заведены имъ начальныя школы для обученія дѣтей своихъ служащихъ; имѣется и собственный оркестръ съ музыкальной школой, состоящей въ вѣдѣніи императорскаго музыкальнаго общества. Въ домашней библіотекѣ собрано все касающееся Сибири и сосѣднихъ странъ. Изслѣдованіе пути въ Китай на Далай-Норъ принадлежитъ ему. И все это было предпринято и сдѣлано, благодаря дарованіямъ, силѣ воли и самообразованію, завершенному поѣздками въ Западную Европу и въ Америку (для изученія шахтовой добычи золота).

---

[1]) Нынѣ Хабаровскъ.

1-го сентября, Срѣтенскъ. На пароходѣ «Ингода» Амурскаго товарищества, перевозящаго на баржахъ арестантовъ и войска, отошли мы отъ Срѣтенска днемъ 1-го сентября. Пароходъ напоминаетъ небольшіе Самолетскіе, довольно удобенъ, дѣлаетъ по теченію до 20-ти всего верстъ въ часъ. Шилка быстро катитъ свои воды между горъ, которыя мѣстами, своими отвѣсными голыми утесами, какъ бы силятся сжать ее. Мѣстность между Горбицей и Покровской въ преддверіи Амура—недаромъ прозвана «семью смертными грѣхами». Къ вечеру встали на якорь у Усть-Кары. Отсюда ведетъ дорога къ карійскимъ промысламъ, гдѣ работаютъ каторжные. Тутъ имѣется и спеціальная тюрьма для осужденныхъ за политическія преступленія.

Приближаясь къ Албазину, Амуръ расширяется, становится величественнѣе. Мы пріостановились у такъ-называемой резиденціи Джаландскихъ золотоносныхъ пріисковъ Бенардаки-Капшина и К°. Тутъ на берегу помѣщается собственно управленіе, производятся пріемъ и роспуски рабочихъ, самые же пріиски находятся въ 100 верстахъ. Эти пріиски изъ наиболѣе крупныхъ въ краѣ. Мы выходили на берегъ, осматривали помѣщенія рабочихъ. Казармы хороши, содержатся чисто, люди спятъ на нарахъ. Ежедневно—мясная пища, обильная и хорошая. Указывали на затрудненія въ пріобрѣтеніи рыбы, и это у берега богатой рыбою рѣки.

5-го сентября у Благовѣщенска. Совершенно отлогое побережье. Въ 8 час. вечера пристали къ городской набережной. Тепло. По поводу осмотра здѣшней тюрьмы-этапа не могу не упомянуть и здѣсь, что въ ней не имѣется вовсе запаса казеннаго платья и бѣлья: два или три выслужившихъ сроки кафтана и только. Тутъ оказалось до 80-ти женщинъ, направляемыхъ на Сахалинъ.

Начальникъ телеграфнаго округа указывалъ на необходимость устройства колеснаго почтоваго пути вдоль телеграфной линіи (пока имѣется только тропа). Устройство дороги отъ Софійска къ заливу де-Кастри признается также мѣрою необходимою, въ интересахъ торговли, равно какъ улучшеніе сообщенія отъ Камня-Рыболова къ Владивостоку, пока же этотъ путь, по мѣстному выраженію, фиктивный.

6-го сентября, въ 12-мъ часу дня, пароходъ отчалилъ отъ Благовѣщенска. 7-го сентября мы встали на ночлегъ (здѣшніе пароходы ночью не ходятъ) у новаго поселка «Марьино». Взошли на высокій берегъ и обошли поселокъ, отдѣлившійся отъ прекрасной станицы Раддевки, носящей имя ученаго изслѣдователя здѣшнихъ мѣстъ, Радде. Въ избѣ, въ которой покупали для нашего стола цыплятъ, яйца и картофель, теплился ночникъ, дѣти уже спали на-полу, было чисто, внутри выбѣлено, въ одномъ углу стояла прялка, въ другомъ—былъ установленъ жерновъ для перемола хлѣба. Это еще временное жилище. Пе-

ребрались сюда крестьяне, вслѣдствіе того, что въ Раддевкѣ усадебныя мѣста ихъ въ разливъ потопляло, почему они, въ числѣ нѣсколькихъ домовъ, предпочли переселиться сюда, по сосѣдству же, но на болѣе возвышенный берегъ. Тутъ же предлагали намъ купить лѣсные грецкіе орѣхи и виноградъ мелкій, черный, оказавшійся кислымъ. Вечеръ былъ прелестный, лѣтній, и такъ все время погода благопріятствуетъ путешествію.

9-го сентября. Приближаемся къ Хабаровкѣ, новому центру Приморской области. Вчера ночлегъ былъ у станціи Михайло-Семеновской (такъ прозванной въ честь генералъ-губернатора Михаила Семеновича Корсакова). Деревья въ два ряда, въ видѣ набережной, окаймляютъ селеніе вдоль берега. Скромная церковь, обсаженная внутри изгороди деревьями, привѣтливо выглядываетъ изъ-за нихъ; вся станица въ зелени, на окнахъ цвѣты, тамъ-сямъ виднѣются освѣщенныя лампами жилища. Ночь свѣтлая, теплая, и все пароходное населеніе на берегу.

9-го сентября въ 4-мъ часу пароходъ бросилъ якорь у Хабаровской пристани. Военный губернаторъ О. Г. Барановъ со всѣми чинами оказали мнѣ вниманіе встрѣчею на пристани, и такъ какъ до отхода парохода въ Николаевскъ оставалось болѣе сутокъ, то, пользуясь любезнымъ приглашеніемъ губернатора, я переѣхалъ, на это время, къ нему въ домъ. Генералъ Барановъ, холостой, съ молодыхъ лѣтъ служащій въ здѣшнихъ мѣстахъ и только во время послѣдней войны находился на Кавказѣ, подъ начальствомъ графа Лорисъ-Меликова, въ званіи помощника начальника штаба. Здѣшній начальникъ штаба, полковникъ Барабашъ, тоже съ давнихъ поръ въ краѣ. Близкое знакомство ихъ обоихъ съ краемъ и сосѣдними мѣстностями, при громадномъ запасѣ собранныхъ ими свѣдѣній, придаютъ бесѣдѣ съ ними большой интересъ. Я. О. Барабашу предстояла еще тогда рекогносцировочная поѣздка въ глубь Манчжуріи. Бесѣда вертѣлась все около одного и того же предмета—Амура, но не того, который служитъ излюбленной темой вкусныхъ трапезъ, а того именно, который далъ и имя, и жизнь, и значеніе здѣшнему краю. Хабаровка, находясь на перекресткѣ водныхъ сообщеній съ Николаевскомъ по Амуру съ одной стороны и съ Владивостокомъ по Уссури съ другой—несомнѣнно призвана играть роль торговую; въ административномъ же отношеніи, по своему положенію, представляетъ большое значеніе. Новый городъ этотъ строится со всѣхъ концовъ, работа кипитъ. Вмѣстѣ съ вольными рабочими-китайцами, работаютъ и каторжные, которыхъ въ будущемъ году предполагается сосредочить здѣсь до 500 человѣкъ.

10-го сентября на пароходѣ «Ононъ» пошли внизъ къ городу Николаевску. Рѣка по теченію постепенно расширяется, доходя примѣрно до 7 верстъ въ ширину. Разливъ этого года, подобный наводненію, простирался до спада водъ мѣстами на 100 верстъ, все сѣно было унесено; пострадали и нѣкоторыя селенія. Погода продолжаетъ благопріятствовать. Сегодня въ тѣни не менѣе 20°.

13-го сентября вечеромъ набѣжалъ шквалъ; старый пароходъ, едва выгребая, долженъ былъ укрыться за горой у одного гиляцкаго поселка. Вой массы собакъ встрѣтилъ насъ, а запахъ вяленой кеты такъ и обдалъ. Сошли на берегъ. Публика и матросы наиболѣе заинтересовались двумя медвѣжатами, откармливаемыми въ 2-хъ отдѣльныхъ запертыхъ помѣщеніяхъ. Ихъ откармливаютъ обыкновенно до января, когда устраиваются мѣстныя празднества: сначала медвѣдей водятъ, потѣшаются съ ними, а затѣмъ изъ лука застрѣливаютъ ихъ и съѣдаютъ. Собаки, въ огромномъ числѣ, привязанныя къ жердямъ, служатъ здѣсь для зимней ѣзды. Ихъ кормятъ рыбой. Мѣстныя жилища низкой постройки. Отопленіе въ нихъ устроено слѣдующимъ образомъ: печь въ углу избы, и труба отъ нея идетъ вдоль стѣнъ подъ низкими нарами кругомъ до противоположнаго угла, гдѣ черезъ стѣну выведена наружу. Въ одной избѣ годовалый ребенокъ качался въ своеобразной люлькѣ. Представьте себѣ спелененнаго ребенка въ стоячемъ положеніи, помѣщеннаго въ продолговатый лубокъ, держащійся двумя концами веревки (отъ верха и низа лубка), прикрѣпленными однимъ концомъ къ потолку, а другимъ къ нарѣ у стѣны. Лубку дано наклонное положеніе. Ребенокъ, ножками подталкивая лубокъ, качается. Въ такомъ положеніи ребенокъ остается подолгу совершенно одинъ.

Съ разсвѣтомъ 14-го сентября, оставили гиляковъ и направились къ Николаевску. Небо прояснилось и обѣщало хорошій день. Рано утромъ пристали къ берегу. Я началъ съ осмотра арестантскаго помѣщенія, потомъ прошелъ въ церковь, гдѣ шла литургія, и лишь послѣ обѣдни въ отведенную мнѣ квартиру у г. Шенка, финляндскаго уроженца. Принялъ приглашеніе на обѣдъ, на который собрались всѣ иностранные коммерсанты: американецъ, пруссакъ и др., ведущіе здѣсь торговыя дѣла. Бесѣда была оживленная. Въ дѣлѣ торговомъ, указывалось на небрежность будто бы добровольнаго флота въ доставкѣ грузовъ, происходящую сколько отъ перегрузки въ Владивостокѣ, столько же и главнымъ образомъ отъ дурной русской укладки вообще. За Николаевскомъ признается торговое значеніе, имѣющее остаться навсегда. Въ этомъ году на его рейдѣ было 17-ть большихъ судовъ. Неудобство, проистекающее отъ перегрузокъ, устраняетъ, будто бы, необходимость проведенія дороги отъ залива де-Кастри къ Софійску, что сократило бы между тѣмъ путь.

15-го сентября. Утромъ на шхунѣ «Ермакъ» вышли въ море по направленію къ острову Сахалину, конечному пункту моей командировки.

III.

Татарскій проливъ, или проливъ Невельского.—Сахалинскій паровой баркасъ.— Прибытіе на Сахалинъ.— Подполковникъ князь Шаховской.—Постъ Дуэ.—Помѣщеніе.—Постройки.—Каменноугольныя копи. —Работы.—Школа.—Дѣти.—Болѣзненность. — Селеніе Александровское. — Сельско-хозяйственная выставка.—М. С. Мицуль.—Жонкьеровскій туннель.—Объѣздъ поселеній.—Обиліе рыбы.—Японскія ватаги.—Дербентскія рыбалки.—Паровая солеварня.—Приходъ клипера „Абрекъ".—Переѣздъ на клиперъ.—Условія передвиженія.—Анивскій заливъ.—Южный Сахалинъ.—Постъ Корсаковъ.—Объѣздъ мѣстъ подъ поселенія.—Персоналъ служащихъ.— Ихъ жены.—Уходъ въ открытое море.—Заливъ св. Ольги.—Казачій постъ.—Манзы.—Манзовскій поселокъ.—Занятія.—Отсутствіе русскихъ рабочихъ.—Владивостокъ.—Рейдъ.—Чествованія.—Посѣщеніе начальника манчжурской области.—Вызывающій образъ дѣйствій.—Сообщеніе по Уссури и Амуру.—Прекращеніе пароходства.—Указаніе министра внутреннихъ дѣлъ.—Возвратный путь на Японію и Китай.

Мы шли Татарскимъ проливомъ, иначе прозваннымъ «проливомъ Невельского» по славному имени того отважнаго моряка-капитана, впослѣдствіи адмирала, который первый изслѣдовалъ теченіе рѣки Амура, поднялся до ея устья и на свой страхъ водрузилъ русское знамя на мѣстѣ, гдѣ теперь гор. Николаевскъ. Таково было начало занятія края...

Мы шли при благопріятной погодѣ, съ малой парусностію, и дѣлали до 11-ти узловъ. 16-го сентября, на разсвѣтѣ, встали у поста Дуэ. Начальникъ Сахалина, подполковникъ князь Шаховской, съ камеръ-юнкеромъ фонъ-Флотовымъ [1]), командированнымъ главнымъ тюремнымъ управленіемъ заблаговременно на островъ, для подготовленія необходимыхъ по острову свѣдѣній, вышли на встрѣчу на паровомъ сахалинскомъ баркасѣ. Я тотчасъ же перешелъ на баркасъ, и съ небольшимъ черезъ полчаса мы благополучно пристали къ деревянной пристани поста Дуэ, съ рельсовымъ путемъ, ведущимъ къ казеннымъ складамъ и магазинамъ. Кн. Шаховской помѣстилъ насъ въ своемъ домѣ. Небольшое уютное помѣщеніе у моря, прилично обставленное мѣстными средствами, т. е. сдѣланною тутъ же мебелью и пр., сразу располагало къ себѣ. Хорошее помѣщеніе и возможность удовлетворенія наиболѣе настоятельнымъ потребностямъ—имѣютъ громадное значеніе для жизни въ отдаленномъ краѣ, и къ достиженію этихъ условій, въ интересахъ личнаго состава служащихъ, необходимо стремиться. Отъ дома начальника

[1]) Нынѣ баронъ Гершау-Флотовъ, по оставленіи службы въ главномъ тюремномъ управленіи, состоитъ коммиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Курляндской губерніи и по придворному вѣдомству въ званіи камергера.

острова, вверхъ въ гору, тянется прямая улица, по сторонамъ которой расположены дома чиновниковъ. Въ концѣ улицы деревянная церковь, и отъ нея вправо гауптвахта съ воротами, служащими преддверіемъ арестантскихъ помѣщеній.

Постъ Дуэ лежитъ между мысами Хаджи—къ югу и Дуэ къ сѣверу. Прибрежье между мысами состоитъ изъ холмовъ въ 200—300 футъ высотою. Къ морю спускаются они круто съ яснымъ обозначеніемъ наслоеній почвы. Наслоенія эти расположены большею частію наклонно къ горизонту и имѣютъ цвѣта желтоватый, сѣроватый и изрѣдка красноватый; между ними чернѣютъ блестящія полосы каменнаго угля. Суда могутъ подходить не ближе 5 саж. глубины—весною и лѣтомъ не позже половины сентября. Рѣчка Дуйка, впадающая за мысомъ Жонкьеръ въ Александровскую бухту, можетъ служить для укрытія судовъ, сидящихъ не глубже 6-ти футъ.

Большинство находящихся здѣсь арестантовъ занято исключительно добычей каменнаго угля. Остальные расходуются на разныя хозяйственныя занятія. При посѣщеніи школы арестантскихъ дѣтей, было весело смотрѣть на нихъ: такой у нихъ здоровый и бодрый видъ. Вообще, по отзыву врачей и по имѣющимся статистическимъ свѣдѣніямъ, болѣзненность среди арестантовъ незначительная и порождается главнымъ образомъ тѣснотою помѣщенія и неудовлетворительностью пищи; собственно же климатическія условія скорѣе благопріятны.

18-го сентября мы ѣздили верхомъ въ сосѣднее селеніе Александровское, куда будетъ перенесено управленіе островомъ. Здѣшніе Александровскій и Тымовскій районы, вмѣстѣ съ южнымъ Сахалиномъ, составляютъ тѣ оазисы, на которые возлагаются надежды по обезпеченію собственнымъ хлѣбомъ и овощами мѣстныхъ жителей. Здѣсь, въ Александровскомъ, въ квартирѣ доктора Супруненко, назначеннаго сюда по рекомендаціи профессора А. П. Доброславина, была устроена сельско - хозяйственная выставка продуктовъ этого года. Агрономическія заботы М. С. Мицуля дали видимо добрые результаты. Вообще состоявшееся недавно расширеніе мѣстныхъ штатовъ управленія, съ назначеніемъ, между прочимъ, спеціалиста-агронома, принесло существенную пользу и подготовило разрѣшеніе вопроса о поселеніяхъ на островѣ, по отбытіи каторги. Назначеніе же агрономомъ М. С. Мицуля было тѣмъ болѣе полезно для дѣла, что онъ уже былъ знакомъ съ Сахалиномъ по прежней командировкѣ сюда, подробно обслѣдовалъ его и описалъ. Здѣсь, въ Александровскомъ селеніи, имѣющаяся казарма для арестантовъ вмѣщаетъ далеко не всѣхъ. Семейнымъ предоставляется жить въ своихъ домахъ. Много такихъ домовъ было мною осмотрѣно, и во всѣхъ замѣчены чистота и опрятность по-

мѣщенія. Въ большинствѣ дома не огорожены, имѣются при нихъ погреба, кладовки. Собрано много картофеля и много всякаго рода овощей. Хлѣбъ еще не молоченъ. Преобладаетъ ячмень. Въ Корсаковскомъ выселкѣ, близъ Александровскаго селенія, проживаютъ поселенцы, окончившіе сроки наказанія. Къ одному изъ нихъ, Як. Терентьеву, особенно работящему и имѣющему хозяйство, огородъ и свою пашню, мы зашли въ избу, чтобы закусить взятыми съ собой снадобьями. Въ избѣ оказался самоваръ, который хозяйка тутъ же и поставила; оказались молоко и творогъ. Въ избѣ было чисто, привѣтливо, четверо здоровыхъ ребятишекъ играли въ сѣняхъ. Тутъ же мнѣ передали, что этотъ поселенецъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи поставить на своемъ мѣстѣ, съ выходомъ на улицу, часовеньку. Счастливый настоящимъ своимъ положеніемъ, онъ далъ этотъ обѣтъ. Архитекторъ показывалъ мнѣ сооженіемъ, онъ далъ этотъ обѣтъ. Архитекторъ показывалъ мнѣ составленный имъ проектъ этой часовни. Всѣ постройки въ Александровскомъ селеніи, начиная съ большаго имущественнаго склада,— новыя. Всѣ строительныя работы производятся исключительно арестантами, подъ наблюденіемъ и отвѣтственностію смотрителей тюремъ. Были осмотрѣны школа, околодокъ и больница. Въ школахъ допускаются къ обученію свѣдущіе арестанты, предпочтительно же женщины изъ добровольно прибывшихъ съ мужьями изъ Россіи, или ихъ дочери. Дѣвочекъ обучаютъ преимущественно рукодѣльямъ.

Здѣшнія сообщенія крайне затруднены гористой мѣстностію, съ постоянными подъемами и спусками. Поэтому распредѣленіе провіанта, выгружаемаго въ посту Дуэ, по сосѣднимъ мѣстамъ, при неудобствахъ сообщенія, производится теперь арестантами на себѣ по проложеннымъ тропамъ. Въ видахъ облегченія такого сообщенія, изъ поста Дуэ въ Александровское прокладывается рельсовый путь и прорывается туннель въ мысѣ Жонкьеръ.

Съ 20-го по 24-е сентября мы сдѣлали, то верхомъ, то въ экипажѣ до 200 верстъ, объѣхавъ Верхнее урочище, Ведерниковское, Рыковское и Дербентское, съ ихъ окрестностями. Въ каждомъ изъ нихъ имѣются казармы для арестантовъ и для конвоя и рядомъ отдѣльные дома арестантовъ и вышедшихъ на поселеніе, съ огородами и небольшими пашнями.

Погода до 23-го сентября стояла восхитительная, солнечная, теплая; но въ ночь на 23-е сентября пошелъ дождь, къ утру снѣгъ, обѣлившій вершины горъ. Тѣмъ не менѣе мы сдѣлали свой дневной переходъ и благополучно спустились обратно въ Дуэ. 24-го сентября въ Дуэ продолжалось ненастье, при упорномъ NW, но къ вечеру барометръ поднялся.

25-го сентября. Безоблачное небо, яркое солнце, но не стихаетъ NW, столь здѣсь недолюбливаемый, и дѣйствительно, за неимѣніемъ порта и возможной стоянки для судовъ, сообщеніе съ Сахалиномъ при NW вѣтрѣ дѣлается невозможнымъ.

Мѣста въ долинахъ между горъ представляются удобными для хлѣбопашества. Лѣсныя мѣста требуютъ раскорчевки, осушенія почвы, проложенія дорогъ и пр. Необыкновенное обиліе рыбы отличаетъ всѣ здѣшнія рѣки. Преобладаетъ такъ называемая кета (родъ лососины). Ея особенно много въ рѣкѣ Тыми, на всемъ протяженіи, до Ныйскаго залива, гдѣ японцы продолжаютъ еще имѣть свои ватаги, также какъ и на югѣ Сахалина. Въ селеніи Дербентскомъ устроены рыбалки, для засола рыбы, чѣмъ занимаются мѣстные поселенцы, по заказамъ управленія. Та же кета водится въ Японіи, гдѣ изъ нея гонятъ жиръ и затѣмъ обращаютъ остатки въ пудретъ, служащій отличнымъ удобреніемъ почвы. Въ видахъ увеличенія запасовъ соли, въ Дуэ устроена паровая солеварня изъ морской воды.

1-го октября. Вчера всенощная и сегодня обѣдня въ здѣшней небольшой деревянной церкви, въ присутствіи 50-ти арестантовъ и хора изъ нихъ же, а также учениць мѣстной школы. Служба чинная, стройная. Священникъ очень заботливый и къ себѣ располагающій. Погода теплая, хорошая.

3-го октября. Погода ухудшается.

4-го октября. Съ утра дождь съ градомъ. Море вспухло, взволновалось. Желая выѣхать въ будущую среду 7-го октября, я телеграфировалъ въ де-Кастри командиру клипера «Абрекъ», высланнаго въ мое распоряженіе, о прибытіи къ этому дню. Теперь предстоитъ путь на югъ Сахалина, вдоль берега, и затѣмъ въ Владивостокъ.

6-го октября, вечеромъ въ 9-мъ часу, по предварительной отправкѣ съ курьеромъ Зайцевымъ вещей, мы перебрались: я, Титовъ и Флотовъ на «Абрекъ», пришедшій на рейдъ въ 4 часа. Погода, благопріятная утромъ, настолько засвѣжѣла къ вечеру, что командиръ, капитанъ 2-ранга Энегельмъ, не надѣялся удержаться на рейдѣ до утра слѣдующаго дня. Надлежало спѣшить, или обречь себя на неизвѣстность, когда, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, могъ бы вернуться «Абрекъ», что̀ поздней осенью весьма гадательно. Какъ ни расходилось море и какъ ни трудно было съ пристани спуститься на паровой баркасъ, и какъ ни захлестывали его волны, и какъ, наконецъ, ни отговаривали дуйцы,—я рѣшился на отъѣздъ. Переходъ предстоялъ не легкій со штормомъ, дождемъ и градомъ. Сверху затянуло черной пеленой, снизу вода неистово бушевала, кипѣла и пѣнилась, и этотъ бѣлый отблескъ пѣны серебристой полосой отмѣчалъ нашъ путь; мы всѣ были окачены водою съ головы до ногъ. Матросы нашего Сахалинскаго пароваго баркаса—всѣ каторжные, служили прежде во флотѣ и, отлично зная дѣло, молодцами доставили насъ до клипера. Тутъ при постоянномъ прибоѣ пред-

стояла еще трудность взобраться на клиперъ. Немедленно былъ поднятъ якорь, и клиперъ двинулся въ путь.

8-го октября, второй день плаванія, ознаменовался пальбой изъ пушекъ, противу смерча, съ цѣлью разсѣять его. Бѣда миновала. Продолжаемъ идти то съ полной, то съ малой парусностію. Къ вечеру 8-го октября командиръ клипера разсчитывалъ войти въ Корсаковскую бухту южнаго Сахалина, но ожиданіе не оправдалось. Сильная облачность и темнота лишали возможности всмотрѣться въ берегъ и опредѣлить разстояніе, хотя мы были уже въ глубинѣ Анивскаго залива и весьма вѣроятно въ виду поста. Еще до полныхъ сумерекъ мичманъ Юрьевъ подымался на салингъ съ биноклемъ, съ цѣлью высмотрѣть берегъ, но безуспѣшно: туманъ застилалъ берегъ. Съ сумерками задулъ сильный южный вѣтеръ, и намъ пришлось ретироваться и укрыться у мыса Крильона. Такимъ образомъ только сегодня, 9-го октября, мы пристали благополучно къ посту Корсаковскому. Ревизоръ клипера, мичманъ Арфинъ, поѣхалъ впередъ и затѣмъ на 12-ти весельномъ катерѣ съѣхали на берегъ и мы всѣ, взявъ съ собой изъ вещей лишь крайне необходимое.

Мѣстныя власти не ожидали вовсе моего пріѣзда, по неимѣнію телеграфа, и получая почту лишь случайно при заходѣ судовъ. Такимъ образомъ предназначенная къ устройству тюрьма съ новыми штатами была открыта тому всего лишь мѣсяцъ назадъ и помѣщена временно въ казармахъ бывшаго мѣстнаго батальона. Прежде находившіеся тутъ каторжные, въ числѣ 150 человѣкъ, содержались на положеніи вольной рабочей команды для домашнихъ надобностей поста. Въ виду столь кратковременнаго существованія новой тюрьмы, слѣдуетъ отнести къ чести служебнаго персонала, что общій порядокъ установленъ, хозяйство организовано, заведены внутреннія работы, вымежевано удобное мѣсто подъ огородъ и пр. Наконецъ, приступлено, трудомъ каторжныхъ, къ постройкѣ новаго зданія тюрьмы, къ дѣланію кирпича и къ обжиганію изъ ракуши—извести. Къ будущей веснѣ намѣчена работа по проведенію просѣки къ Тарайкѣ, на встрѣчу пролагаемаго пути съ сѣвера острова.

Дни 9-го и 10-го октября были употреблены на мѣстное ознакомленіе и объѣздъ окрестностей на разстояніи 20 верстъ кругомъ, для осмотра намѣченныхъ подъ поселенія мѣстъ.

11-го октября мы оставили Корсаковскій постъ и 12-го октября были уже въ открытомъ морѣ, на пути къ заливу Ольги. Наканунѣ оставленія поста, 10-го октября, на обѣдѣ у начальника южнаго Сахалина, маіора Яццевича, въ числѣ всѣхъ служащихъ были и ихъ жены: г-жа Мячкова, жена начальника мѣстной команды, жена тюремнаго врача Матвѣева (была сестрой милосердія въ послѣднюю войну), г-жа Шишкова, жена эконома, и г-жа Піотровская, жена субалтернъ-офи-

цера. Я намѣренно упоминаю объ этомъ, какъ о фактѣ весьма утѣшительномъ въ томъ отношеніи, что всѣ эти женщины, вполнѣ благовоспитанныя и симпатичныя, въ столь отдаленной окраинѣ призваны оказать добрую услугу и своей семьѣ, и мѣстному обществу. Здѣсь о кутежѣ и о картахъ не было и помину.

14-го сентября взошли въ заливъ св. Ольги. Здѣсь имѣется казачій постъ и нѣсколько небольшихъ поселковъ въ окрестностяхъ. Мѣстность благопріятная для хлѣбопашества. На яликѣ мы прошли въ Манзовское поселеніе на противоположномъ берегу залива, по выходѣ изъ такъ называемой Тихой гавани. Тутъ нѣсколько китайскихъ жилищъ—трактировъ (чайные дома, безъ женщинъ), и цѣлый лѣсъ мачтовыхъ лодокъ вдоль берега. Здѣсь манзы заготовляютъ морскую капусту, и сегодняшній день совпалъ какъ разъ съ нагрузкой ея на одно коммерческое судно. Куда ни посмотришь,—все чужія руки, если не считать каторжныхъ, да служащихъ, должностныхъ лицъ. Промысловыхъ русскихъ рукъ слишкомъ мало, если гдѣ и имѣются.

16-го октября въ 5 часовъ по полудни бросили якорь у Владивостока. Главный командиръ порта контръ-адмиралъ Фельдгаузенъ предупредилъ мой визитъ, и я затѣмъ вмѣстѣ съ моими спутниками, Титовымъ и Флотовымъ, немедленно же посѣтили его. Подобная Константинопольской, здѣшняя бухта «Золотой Рогъ» замѣчательна по своимъ размѣрамъ, удобствамъ и красотѣ. Городъ расположенъ по самому побережью, длинной нитью небольшихъ построекъ.

17-го октября адмиралъ Фельдгаузенъ чествовалъ меня параднымъ обѣдомъ. На другой день, въ воскресеніе, я просилъ на обѣдъ къ себѣ адмирала Фельдгаузена, начальника штаба, капитана 1-го ранга Наумова (вспоминалъ о моемъ братѣ, котораго, какъ воспитанника еще училища правовѣдѣнія, встрѣчалъ въ домѣ адмирала Купреянова въ Петербургѣ), инженернаго генерала Козловскаго, обѣщавшаго проѣхать на Сахалинъ по вопросу объ устройствѣ бухты, агента добровольнаго флота Акимова, командира морскаго экипажа, капитана 1-го ранга Палеолога и наконецъ командира нашего клипера, почтеннаго Ѳ. П. Энсгельма, старшаго офицера клипера, лейтенанта Брандта и моихъ спутниковъ Титова и Флотова.

Сюда прибылъ сосѣдній китайскій областный начальникъ Ли-Дзинъ-Юнъ, посѣтилъ меня, толковалъ о дружбѣ, а между тѣмъ по Китайской нашей границѣ китайцы сильно укрѣпляются. По имѣющимся свѣдѣніямъ, они не только возводятъ вблизи границы города и укрѣпленія, сильно заселяютъ пограничныя мѣста, предоставляя большія къ тому льготы, и проводятъ въ нашу сторону дороги отъ Гирина и другія, но прямо поступаютъ вызывающимъ образомъ, вмѣшиваясь даже въ управленіе пребывающими въ нашихъ предѣлахъ манзами.

Пароходство въ настоящее время по Уссури и Амуру прекратилось, а инаго пути сообщенія не существуетъ. Приходится или ждать зимняго пути, когда встанутъ рѣки и установится ѣзда на собакахъ, или же предпочесть сообщеніе съ Сибирью черезъ Китай—монгольской степью, существующимъ почтовымъ трактомъ. Графъ Н. П. Игнатьевъ (министръ внутреннихъ дѣлъ), напутствуя меня въ отъѣздъ, не безъ основанія говорилъ, что всѣ путевые расчеты могутъ быть вѣрны лишь до Иркутска, завися затѣмъ исключительно отъ разныхъ случайностей. Такъ и вышло теперь, по невозможности вернуться въ Сибирь иначе, какъ кружнымъ путемъ черезъ Китайскія владѣнія. На этотъ именно путь графъ Николай Павловичъ и указывалъ мнѣ, какъ на лично ему извѣстный. На этомъ основаніи и по соглашеніи съ командиромъ клипера «Абрекъ», былъ установленъ слѣдующій маршрутъ, на Японію, въ китайскія воды—на Хокодате, Іокогаму, Токіо и Нагасаки въ Чифу. Изъ Японіи предполагалось командированіе въ Россію Б. Б. Флотова. Въ Владивостокѣ пассажирскаго парохода, слѣдующаго въ Европу, не было и за позднимъ временемъ прихода его не ожидалось. Возможность сообщенія на Америку была обезпечена только изъ Японіи.

IV.

Отъѣздъ изъ Владивостока.—Трудность перехода.—Хокодатскій рейдъ.—Съѣздъ на берегъ.—Общее впечатлѣніе.—Русское подворье.—О. Димитрій.—Литургія на японскомъ языкѣ.—Осмотръ города.—Іокогама.—Секретарь миссіи баронъ Розенъ.—Посланникъ Струве.—Токіо.—Семья посланника.—Визиты.—Епископъ Николай.—Японскіе министры.—Аудіенція у императора.—Праздникъ въ императорскомъ саду.—Японскія тюрьмы.—Переходъ японскимъ „средиземнымъ“ моремъ.—Японская деревня.—Городъ Нагасаки.—Судовыя недоразумѣнія.—Консулъ Рюминъ.—Завтракъ каютъ-компаніи.—Чифу.—Вице-консулъ Фергюсонъ.—Прощальные обѣдъ и завтракъ.—Съѣздъ на берегъ.—Помѣщеніе въ гостиницѣ.

22-го октября, послѣ обѣдни, мы снялись съ якоря, при вполнѣ благопріятной погодѣ. Между тѣмъ нашъ переходъ въ Хокодате оказался особенно тяжелымъ: на клиперѣ сломило гротъ-брамсрею и держало всѣхъ людей постоянно на верху. Только 26-го октября въ 3 часа дня мы встали на якорь у Хокодате. Масса всякаго рода судовъ и еще бóльшая японскихъ лодокъ заполняли Хокодатскій рейдъ. Немедленно явились къ намъ на клиперъ агентъ одного англійскаго торговаго дома, съ предложеніемъ угля, и приказчикъ гостиницы, съ предложеніемъ услугъ. Вмѣстѣ съ командиромъ я съѣхалъ на берегъ.

Тутъ встрѣтилъ командира молодой японецъ, одѣтый по-европейски съ порученіемъ отъ губернатора узнать, для чего клиперъ прибылъ и, не представляется ли ему въ чемъ надобность. Онъ говорилъ по-русски совершенно свободно. Оказалось, что онъ учился въ русской школѣ, устроенной въ Токіо нашимъ епископомъ Николаемъ. Японцы и японки, въ національномъ одѣяніи,—пестрили улицы, большею частію съ непокрытыми головами. Японцы, носящіе шляпы (формы такъ-называемыхъ котелковъ), представляютъ уже европейское отличіе, хотя и продолжаютъ носить національные костюмъ и прическу. Христіане-японцы не пробриваютъ части головы. Улицы шоссированы. На гору въ городъ ведетъ удобный съ каменными ступенями подъёмъ. Общее впечатлѣніе превыше всякихъ ожиданій. Среди построекъ выдѣляется русское подворье, красиво расположенное на горѣ. Зашли туда къ нашему юному, прежде мнѣ извѣстному миссіонеру о. Димитрію, отправившемуся въ Японію изъ Одессы въ мартѣ 1880 г. на «Нижнемъ Новгородѣ» съ 1-й партіей семейныхъ каторжныхъ. Я былъ тогда въ Одессѣ и узналъ этого 26-ти лѣтняго студента, теперь іеромонаха. Съ красивымъ, привлекательнымъ лицомъ, онъ будто весь во Богѣ, но какъ-то придется ему нелегкая миссія! Мы застали его съ однимъ японцемъ готовившимися обѣдать. Вся обстановка отличалась порядочностію. Были въ церкви, маленькой, но внушительной по простотѣ и вкусу отдѣлки. Заходили тутъ же и въ церковную школу, гдѣ японскія дѣти (счетомъ до 70-ти) брали уроки пѣнія, хороваго церковнаго пѣнія. Вечеромъ о. Димитрій пріѣхалъ къ намъ на «Абрекъ». Это былъ день его именинъ, и онъ былъ видимо радъ возможности свидѣться съ соотечественниками. Это былъ также день 300-лѣтія присоединенія Сибири, и, по моему предложенію, мы всѣ въ каютъ-компаніи выпили сочувственный тостъ за Сибирь. На слѣдующій день, 27-го октября, въ нашей церкви шла литургія на японскомъ языкѣ. Пѣли ученики упомянутой школы. Послѣ мы всѣ (были и офицеры клипера) завтракали въ подворьѣ и затѣмъ, руководимые о. Димитріемъ, осмотрѣли городской садъ и музей, дающій полное понятіе объ этой части Японіи. Заходили также въ два японскихъ храма. Въ одномъ изъ нихъ шла служба. Входъ безпрепятственный. Къ вечеру вернулись домой и затѣмъ въ 9 час. снялись съ якоря.

Еще два слова о помѣщеніи русскаго подворья въ Хокодате. Кругомъ церкви и 2-хъ этажнаго съ галлереей дома настоятеля, расположены нѣсколько домовъ: школа, интернатъ для учениковъ, нѣсколько помѣщеній для бѣдныхъ православныхъ японскихъ семействъ, и все это среди деревьевъ, кустовъ и цвѣтовъ—въ настоящемъ саду. Обнесено мѣсто бѣлой рѣшеткой, а у подножія горы тянется лентой кипарисная роща.

31-го октября (12-го ноября) въ 1 час. пришли въ Іокогаму. На-

чались салюты японской націи, германской эскадрѣ и пр. Къ намъ на клиперъ немедленно прибыли нашъ консулъ А. А. Пеликанъ, вице-консулъ баронъ Шлиппенбахъ и также секретарь миссіи баронъ Р. Р. Розенъ, мой давнишній хорошій знакомый, котораго зналъ еще въ бытность его студентомъ, когда онъ, по воскресеньямъ, также какъ и я, постоянно обѣдалъ у графа Лог. Лог. Гейдена. Онъ передалъ мнѣ, что нашъ посланникъ К. В. Струве ждетъ на берегу. Собравшись на-скоро и простившись до четверга 5-го (17) ноября, я оставилъ клиперъ и вмѣстѣ съ Розеномъ отплылъ на катерѣ къ пристани, гдѣ ожидали дружескія объятія Струве. Живо припомнилось, какъ въ 1858 году на востокѣ же, въ средней Азіи, мы приблизительно въ то же время возвращались вмѣстѣ, вдвоемъ, изъ Хивы, гдѣ состояли при нашей дипломатической миссіи, снаряженной въ томъ году въ Хиву и Бухару[1]). Тогда мы были оба очень молоды, теперь же оба сильно посѣдѣли...

Пять дней въ Токіо.

Консульская коляска быстро довезла насъ до станціи желѣзной дороги. Баронъ Розенъ ѣхалъ слѣдомъ на джинирикчѣ, двухъ-колесномъ одноместномъ сидѣньи, въ видѣ кресла, везомомъ босоногимъ японцемъ. Прекрасныя мостовыя, хорошія постройки, непрерывные вдоль улицъ магазины и лавки, большое движеніе и домашняя, тутъ же, на-ряду съ магазинами, жизнь (мастерскія, чистка овощей, стряпня) — придавали много интереса—новизны, а съ тѣмъ вмѣстѣ, бьющіе въ глаза признаки европейской цивилизаціи особенно поражали. Въ какія-нибудь 20—30 лѣтъ шагнуть такъ быстро—фактъ знаменательный.

Въ вагонѣ желѣзной дороги мы встрѣтились съ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и съ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Съ обоими я познакомился. Обращеніе и одѣянія европейскія. Министръ Инуэ спросилъ меня, между прочимъ, разрѣшило ли у насъ тюремное управленіе вопросъ о наиболѣе дешевомъ способѣ постройки тюремъ и болѣе экономномъ содержаніи заключенныхъ. Черезъ $^1/_4$ ч. мы доѣхали до Токіо (столица имперіи). Дорога проложена вдоль сплошной почти деревни, утопавшей среди пышной растительности и рисовыхъ плантацій. Коляска посланника ожидала и быстро съ обычнымъ впереди скороходомъ домчала насъ по макадаму до посланническаго палаццо. Послѣдній и наружно порадовалъ меня, какъ русскаго. Проѣзжая мимо зданій другихъ миссій, я ни одного не могу предпочесть нашему. Постройка зданія русской миссіи всецѣло обязана настойчивости Струве и вкусу его жены, Маріи Николаевны, рожденной Анненковой. Я слышалъ и прежде, что Марія Николаевна Струве умная и образованная

[1]) См. книгу М. Н. Галкина: Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю. Изд. 1868 г. стр. 150—189. Ред.

женщина, но этого мало: она и хорошая жена и прекрасная мать. Милыя четыре дѣвочки отъ 6-ти до 2-хъ лѣтъ постоянно на глазахъ у матери. Они и за завтракомъ, и за обѣдомъ сидятъ за общимъ столомъ. Съ ними ростетъ еще мальчикъ Сайго, сынъ бывшаго японскаго военнаго министра, очень способный ребенокъ, котораго родители отдали на воспитаніе въ семью Струве. Вообще русская миссія пользуется въ странѣ доброй славой и значеніемъ.

1-го ноября. Послѣ обѣдни въ домовой церкви, мы, т. е. Струве и я, дѣлали визиты нашему епископу Николаю и японскимъ министрамъ. Епископъ былъ боленъ. Онъ помѣщенъ также очень хорошо. Въ его домѣ находится большая школа, въ которой учатся по-русски. 2-е ноября я провелъ бо́льшую часть времени въ разъѣздахъ съ М. Н. Струве по магазинамъ за покупками. 3-го ѣздилъ съ барономъ Розеномъ въ Іокогаму на крейсеръ «Азія» и затѣмъ, къ завтраку, были дома. У Струве завтракали въ этотъ день всѣ японскіе министры. Изъ нихъ министръ внутреннихъ дѣлъ очень интересовался принимаемыми мѣрами противу антиправительственнаго движенія, говоря, что въ Японіи оно начинаетъ уже сильно озабочивать правительство.

3-е ноября. Сегодня была назначена мнѣ аудіенція у императора, состоявшаяся во дворцѣ, передъ самымъ праздникомъ, устроеннымъ въ смежномъ съ дворцомъ императорскомъ саду.

Гулянье въ саду, гдѣ была оригинальная выставка все однихъ и тѣхъ же цвѣтовъ—Chrysanthèmes, сопровождалось пріемомъ дипломатическаго корпуса. Я былъ въ числѣ приглашенныхъ. Императоръ съ императрицей стояли передъ палаткой, а иностранные министры проходили (всѣ въ сюртукахъ) и раскланивались. Затѣмъ въ смежномъ съ упомянутой палаткой большомъ шатрѣ былъ предложенъ всѣмъ приглашеннымъ завтракъ, сервированный по-европейски. Министры обходили гостей и чокались бокалами шампанскаго. Императоръ же съ императрицей помѣщались вдвоемъ, сидя за столомъ, въ своей палаткѣ; гдѣ находились японскіе принцы, стоя кругомъ и присутствуя лишь при обѣденномъ столѣ ихъ величествъ. Императрица была въ національномъ костюмѣ. При ней были 4 фрейлины, изъ коихъ три въ національномъ же одѣяніи, а одна — дочь министра иностранныхъ дѣлъ, Инуэ — въ европейскомъ платьѣ и шляпѣ, съ широкими полями. Послѣ завтрака, ихъ величества прошли по аллеямъ сада обратно во дворецъ, предшествуемые церемоніймейстеромъ (сюртукъ, цилиндръ и зеленыя перчатки), слегка кланяясь наклоненіемъ головы, при чемъ, проходя мимо группы дамъ, императрица пріостановилась и бесѣдовала черезъ переводчицу, фрейлину Инуэ, съ американской и англійской посланницами, другія жены посланниковъ, и, въ томъ числѣ М. Н. Струве, по болѣзни, отсутствовали. Послѣ этого праздника, меня вновь посѣтилъ министръ Инуэ.

4-е ноября было днемъ отъѣзда. Вмѣстѣ съ Струве и барономъ Розеномъ отправились мы по желѣзной дорогѣ въ Іокогаму и оттуда на «Абрекъ». Послѣ легкаго завтрака, Струве, баронъ Розенъ и фонъ-Флотовъ, командируемый мною съ бумагами на Америку обратно въ Россію,—съѣхали съ «Абрека». Клиперъ отдалъ якорь и отсалютовалъ Струве.

Въ теченіе проведенныхъ дней въ Токіо и Іокогамѣ я имѣлъ возможность осмотрѣть мѣстныя тюрьмы. Въ Токіо я осмотрѣлъ тюрьмы: 1) слѣдственную при полиціи и 2) для осужденныхъ всякаго рода, не исключая и каторжныхъ. Первая помѣщается въ нѣсколькихъ флигеляхъ, при чемъ въ каждомъ, вдоль корридора, по обѣимъ сторонамъ, расположены камеры на 5, на 6 чел.; нижняя часть стѣны глухая, верхняя обрѣшеченная. Арестанты сидятъ на полу на циновкахъ, всѣ въ своихъ платьяхъ, у каждаго имѣется теплое одѣяло. Мастеровыхъ работъ не производится, но работы по чистотѣ—по уборкѣ тюрьмы—лежатъ на арестантахъ. Камеры всѣ на запорѣ. На прогулку, на особомъ дворѣ, арестанты выводятся по-камерно. Вторая тюрьма расположена на островѣ; сообщеніе на лодкахъ; постройка вѣерообразная. При входѣ—канцелярія и выставка производимыхъ въ тюрьмѣ работъ, самыхъ разнообразныхъ: тутъ и клеятъ и переплетаютъ книги, шьютъ платья, разрисовываютъ фарфоръ; дѣлаютъ разные хозяйственные предметы, какъ-то: ведра, бочки и пр., также хозяйственныя орудія; вьютъ веревки, плетутъ циновки и пр. Мастерскія, кухня и столовая помѣщены въ однихъ флигеляхъ, въ другихъ дортуары. Арестанты всѣ въ казенной одеждѣ и большинство съ тонкой цѣпью на ногахъ. Въ оковахъ же и при томъ попарно выводятся они на внѣшнія работы въ городѣ. Въ отдѣльномъ флигелѣ помѣщались такъ-называемые политическіе арестанты, преимущественно виновные по печати. Они, подобно нѣмецкимъ Sitz-Redacteur'амъ, имѣли при себѣ книги и бумагу, помѣщаясь за отдѣльными столиками на полу; они были въ своихъ платьяхъ (право привилегированныхъ). Трое изъ заключенныхъ въ тюрьмѣ оказались, во время посѣщенія, наказанными, при чемъ наказаніе состояло въ томъ, что они были поставлены на небольшое возвышеніе скованными по рукамъ и ногамъ, такъ что не могли двигаться. Такому наказанію подвергаются виновные въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Директоръ тюрьмы изъ бывшихъ военныхъ, по вѣроисповѣданію—православный.

Затѣмъ осмотрѣнная тюрьма въ Іокогамѣ имѣетъ спеціальное назначеніе—служить для иностранцевъ, осужденныхъ своими консулами. Зданіе каменное, съ продольнымъ корридоромъ, по сторонамъ коего расположены отдѣльныя камеры; содержится прекрасно и находится въ ближайшемъ вѣдѣніи англійскаго консула.

5-го (17-го) ноября. Оставивъ Іокогаму 5-го, мы только 11-го добрались до Нагасакскаго рейда, гдѣ и встали на якорь. Сильные порывистые вѣтры заставляли не разъ останавливаться, при чемъ едва не потеряли якорь. Переходъ внутреннимъ Японскимъ моремъ, среди густо заселенныхъ береговъ, крайне интересенъ. Жаль, что погода противилась даже выходу на палубу. Сходили на берегъ въ одной только деревнѣ въ бухтѣ Юра (Iura-bay). Необыкновенная чистота и опрятность, при невообразимой скученности, поразительны. Всѣ хозяйственныя работы производятся исключительно людьми. Рабочаго скота не видно, да его и нѣтъ. Рѣдко встрѣчаемые волъ и мулъ служатъ лишь для перевозки клади на дальнихъ разстояніяхъ. Въ деревнѣ имѣются хорошо содержимая школа и нѣсколько храмовъ. Масса дѣтей бѣжали за нами и не отставали отъ насъ. При остановкѣ на Нагасакскомъ рейдѣ, насъ посѣтили: консулъ П. Ив. Рюминъ, бывшій парижскій вице-консулъ, знакомый мнѣ по его брату Ив. Ив—чу и его сестрѣ кн. Мещерской, которую въ былое время встрѣчалъ у Карамзиныхъ (на Б. Морской) и чаще въ семействѣ Гейденъ (въ Главномъ штабѣ), а также командиры стоящихъ на рейдѣ нашихъ судовъ: Шанцъ, Старкъ и бар. Фитингофъ. Между тѣмъ у насъ на клиперѣ произошелъ разладъ: командиръ осерчалъ на офицеровъ, заподозрилъ ихъ въ желаніи промедлить стоянкой въ Нагасаки, не вѣрилъ въ заявленія механика, настаивавшаго на исправленіи машины, напалъ на старшаго штурмана Петрова, просившагося на берегъ, запретилъ съѣздъ въ городъ и наконецъ упрекалъ консула въ томъ, что съ крѣпости не произвели еще отвѣтнаго салюта. Словомъ, нашъ прекрасный и столь всегда спокойный, Ѳедоръ Петровичъ былъ неузнаваемъ. На штурманѣ же Петровѣ, подавшемъ рапортъ о болѣзни, оборвалось это настроеніе такою сценою, что тотъ съѣхалъ самовольно на берегъ и прислалъ вновь рапортъ о болѣзни, удостовѣренный мѣстнымъ врачемъ, и просилъ освидѣтельствованія черезъ судовыхъ врачей. Тутъ уже послѣдовалъ настоящій взрывъ негодованія, и мнѣ, со стороны, ясно представилось, въ какомъ подъ часъ тяжеломъ положеніи и въ какой зависимости находятся офицеры на судахъ и какъ безвыходно бываетъ ихъ положеніе. Предъявлялось требованіе представить Петрова силой, но консулъ отказалъ. Благодаря моимъ переговорамъ съ командиромъ «Кн. Пожарскаго» Шанцомъ, удалось уговорить Ѳедора Петровича дать дѣлу нормальный ходъ, т. е. назначить просимое освидѣтельствованіе врачей, чему нашъ командиръ, успокоившись, и самъ былъ радъ въ концѣ концовъ.

Время въ Нагасаки я провелъ въ сообществѣ консула, который, сказать кстати, никакъ не могъ свыкнуться со своимъ назначеніемъ въ Нагасаки: «un Rioumine à Nagassaki?!» И дѣйствительно этотъ очень милый и образованный человѣкъ, болѣе свѣтскій, чѣмъ дѣловой, къ тому

же не молодой и одинокій,—болѣе отвѣчалъ европейскимъ, чѣмъ мѣстнымъ условіямъ; въ изученіи же здѣшнихъ мѣстъ, ради любознательности, не находилъ интереса.

14-го ноября, на разсвѣтѣ, снялись съ якоря. Сообщеніе съ Владивостокомъ оказывается прерваннымъ, за неисправностію кабеля. Въ Китаѣ телеграфа не существуетъ. Итакъ—до пріѣзда въ нашу Кяхту.

17-го ноября надѣялись придти въ Чифу—конецъ моего плаванія, но встрѣчная сильная волна заставила встать на якорь. Дѣло въ томъ, что машина клипера плохо, какъ говорится, выгребаетъ, такъ, что о приблизительной точности плаванія не можетъ быть рѣчи. Сегодня при остановкѣ каютъ-компанія угощала меня дружескимъ завтракомъ. Офицеры съ командой поднесли мнѣ на память акварельное изображеніе клипера на Владивостокскомъ рейдѣ.

17-го ноября пришли наконецъ въ Чифу, въ 2 часа дня. Русскій коммерческій вице-консулъ прислалъ мнѣ письмо съ предложеніемъ услугъ и съ предвареніемъ, что засимъ немедленно явится на клиперъ. Я предпочелъ предупредить визитъ его и тотчасъ же, вмѣстѣ съ нѣкоторыми офицерами клипера и Титовымъ, съѣхалъ на берегъ и посѣтилъ вице-консула, очень почтеннаго г. Фергюсона (онъ же бельгійскій консулъ). Оказалось, что пароходъ для слѣдованія изъ Чифу въ Тянь-Дзинъ прибудетъ не ранѣе 2—3-хъ дней. Приходится съѣхать окончательно на берегъ и распроститься съ клиперомъ. Здѣсь европейская часть города имѣетъ соотвѣтственный видъ: каменные дома, хозяйственныя постройки, съ обширными дворами, со всѣмъ видимымъ комфортомъ; китайская же часть менѣе приглядна и менѣе опрятна, но зданія, въ отличіе отъ японскихъ, каменныя. Въ отличіе же отъ Японіи здѣсь не видать никакой растительности, едва замѣтные цвѣтники въ европейскомъ кварталѣ, и только. Не та уже природа, хотя еще тепло и въ тѣни не менѣе 8, 9° Реомюра, только на окрестныхъ голыхъ горахъ виднѣется уже снѣгъ.

По возвращеніи на «Абрекъ», я нашелъ у себя г. Фергюсона, обѣщалъ у него завтра обѣдать. Сегодня я угощалъ обѣдомъ командира и офицеровъ клипера, провозгласилъ ихъ тостъ, благодарилъ за доброе время, проведенное въ ихъ симпатичной средѣ...

19-го ноября я собрался съѣхать на берегъ. Щедро одарилъ судовую прислугу и выдалъ 50 руб. командѣ на праздникъ 6-го декабря, къ каковому дню, по предположенію командира, клиперъ долженъ уже придти обратно въ Владивостокъ. Сегодня командиръ почтилъ меня завтракомъ, и затѣмъ наступили проводы, салютъ и съѣздъ на берегъ. Старшій офицеръ В. Ѳ. Брандтъ проводилъ меня до гостиницы, гдѣ я устроился очень удобно, въ ожиданіи парохода.

V.

Отъѣздъ.—Американскій пароходъ.—Прибытіе въ Тянь-Дзинъ.—Консулъ Веберъ.—Секретарь миссіи Кояндеръ.—Его проводы.—Ли-Хунъ-Джангъ.—Коммерціи совѣтникъ Старцевъ.—Объѣздъ азіятской части города.—Переѣздъ въ Пекинъ.—Путь.—Помѣщеніе русской миссіи.—Посланникъ Бюцовъ.—Составъ миссіи.—Приготовленія къ степному переѣзду.—Осмотръ города.—Встрѣчаемыя процессіи.—Русская духовная миссія.—Архимандритъ Флавіанъ.—Назначеніе миссіи.—Значеніе иностранныхъ духовныхъ миссій.—Обѣдня 6-го декабря.—Именинный завтракъ въ китайской гостиницѣ.—Германскій посланникъ ф.-Брандтъ.—Русское кладбище.—Н. П. Игнатьевъ.—Историческій домъ.—Отъѣздъ.—Калганъ.—Американская миссіонерка-докторша.—Выѣздъ.—О. Алексѣй.—Подорожная.—Конвой.—Переѣздъ Монгольской степью.—Маршрутъ.—Сочельникъ.—Мятель.—Рождественскій праздникъ

21-го ноября, рано утромъ, перебрался на американскій пароходъ «Паута». Капитанъ Петерсонъ любезно предложилъ мнѣ пользоваться днемъ его обширной теплой каютой, богато надѣленной книгами, журналами, газетами. Пароходъ бѣжалъ безпрепятственно, безъ шума и суеты. За завтракомъ и обѣдомъ капитанъ занималъ предсѣдательское мѣсто, разливалъ супъ, разрѣзывалъ ростбифъ.

Пришли въ Тянь-Дзинъ 23-го утромъ. Нашъ консулъ К. И. Веберъ предложилъ остановиться у него. Титовъ, за недостаткомъ помѣщенія, взялъ нумеръ въ гостиницѣ. У Вебера я засталъ старшаго секретаря нашей миссіи въ Пекинѣ Кояндера, который уѣзжалъ въ отпускъ, послѣ продолжительнаго, едва-ли не двухлѣтняго замѣщенія отсутствовавшаго посланника Бютцова. Знакомство съ этими умными и пріятными лицами завязалось быстро. Тутъ же у Вебера, пользуясь радушіемъ его любезной и симпатичной жены (рожд. Маккъ, сестра извѣстнаго сибирскаго путешественника), я познакомился со многими иностранцами Тянь-Дзинской колоніи. Здѣшній почтенный старожилъ, коммерціи совѣтникъ Старцевъ, и командиръ лодки «Моржъ»—Мальцевъ любезно посѣтили меня.

Европейская часть Тянь-Дзина хорошо обстроена. Всѣ консульства имѣютъ прекрасные дома, также и частныя лица, какъ, напримѣръ, Старцевъ, но что за гадость, грязь и вонь въ азіятской части города!

Того же 23-го ноября вечеромъ А. И. Кояндеръ уѣхалъ, перебравшись на тотъ же пароходъ «Паута», долженствовавшій отойти съ разсвѣтомъ. Все общество, къ которому я присоединился, провожало его изъ дома Старцева, гдѣ былъ обычный «посошекъ». По пути къ пароходу пускали фейерверкъ, словомъ, провожали Кояндера по-дружески. Слѣдуетъ еще упомянуть, что въ день отъѣзда его, пріѣзжалъ съ нимъ проститься мѣстный генералъ-губернаторъ, или иначе вице-король, какъ

здѣсь величаютъ главныхъ начальниковъ отдѣльныхъ областей,—Ли-Хунъ-Джангъ. Ему предшествовали нѣсколько носилокъ съ секретаремъ и драгоманами, затѣмъ конвой, человѣкъ въ 20-ть, наконецъ особо-несомый балдахинъ и въ заключеніе носилки съ самимъ Ли-Хунъ-Джангомъ. Вся эта пестрая толпа едва вмѣстилась въ тѣсномъ дворѣ консульскаго дома. Ли-Хунъ-Джангъ считается однимъ изъ вліятельнѣйшихъ сановниковъ. Ему приписываютъ преобразовательныя стремленія въ европейскомъ смыслѣ, какъ соединеніе телеграфомъ Шанхая съ Тянь-Дзиномъ, готовность провести желѣзную дорогу и проч.

24-го вмѣстѣ съ Старцевымъ я объѣзжалъ азіятскую часть города. Осмотрѣлъ одинъ ламайскій храмъ, въ которомъ помѣщаются также и биржа и театръ, для развлеченія посѣщающаго биржу купечества. Какъ ни грязна окружающая мѣстность, храмъ этотъ содержится чисто, а биржевая зала съ театромъ даже изящны и богаты убранствомъ. Показывая храмъ, Старцевъ прибавилъ: «вѣдь построенъ-то онъ на русскія деньги», разумѣя торговый барышъ китайскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Кяхтѣ, когда русскихъ купцовъ не допускали еще въ Китай. Улицы и здѣсь представляютъ собой почти сплошные ряды лавокъ.

25-го ноября. Путь въ Пекинъ снаряженъ слѣдующимъ образомъ: наняты двухколесныя арбы, запряженныя мулами, и верховыя лошади на каждаго изъ насъ. Я ѣхалъ все время днемъ верхомъ и только на ночь взлѣзъ въ арбу и былъ не радъ. Въ ней дотого неудобно, что нельзя ни сидѣть, ни лежать. Какъ бы ни было, но мы ѣхали безостановочно, останавливаясь только для корма лошадей, при чемъ кормились и сами и нѣсколько отдыхали. Съ нами были холодныя закуски и конечно чай.

26-го ноября, въ 3 часа дня, послѣ 30-ти часоваго переѣзда, мы въѣхали въ первыя ворота пекинской городской стѣны, миновали затѣмъ и вторыя ворота внутренней стѣны и по грязной, едва проѣздной дорогѣ добрались наконецъ до нашего посланническаго дома, вѣрнѣе усадьбы. Я съ Титовымъ были верхомъ, а наши арбы, счетомъ 5-ть, слѣдовали за нами. Но прежде, чѣмъ переступить порогъ помѣщенія миссіи, обращусь къ пройденному отъ Тянь-Дзина пути. Дорога шла мѣстностью крайне заселенною, деревни и отдѣльные посёлки все время чередовались. Тутъ по пути были и военныя поселенія—казармы съ провіантскими магазинами, пороховыми погребами, съ домами для военноначальниковъ. Въ 2-хъ, 3-хъ мѣстахъ производились ученья солдатъ. Деревни отличаются опрятностію. Нѣтъ той грязи и нечистоты, которая поражаетъ въ Пекинѣ, также какъ и въ китайскомъ кварталѣ Тянь-Дзина. Напротивъ, улицы въ деревняхъ въ порядкѣ, и что̀ я впервые встрѣтилъ въ деревняхъ вообще—это загороди изъ тростника, въ ростъ человѣка, устроенныя на улицахъ для

исполненія извѣстныхъ нуждъ, тогда какъ въ Пекинѣ среди бѣла̀ дня, на улицахъ, вдоль заборовъ, исправляютъ всѣ свои потребности китайцы на виду у всѣхъ, какъ ни въ чемъ ни бывало. Сельскіе дома всѣ съ окнами во дворъ, такъ что извнѣ представляется непрерывно тянущаяся стѣна. Встрѣчавшіяся массами дѣти были опрятно одѣты. То же слѣдуетъ сказать и о встрѣчныхъ по пути пѣшихъ китайцахъ и китаянкахъ. Послѣднія спѣшили будто на праздникъ—разодѣтыя, съ пестрыми украшеніями въ волосахъ, прихотливо по-китайски зачесанныхъ.

Среди улицъ въ деревняхъ и на самомъ пути торгаши выкрикиваютъ о товарахъ и тутъ же раскладываютъ ихъ, созывая публику. Жизнь кипитъ какъ въ пчелиномъ ульѣ. На поляхъ всѣ работы по 2-й снятой жатвѣ закончены; паровыя работы тоже приходятъ къ концу, и въ поляхъ встрѣчается запоздалый лишь пахарь, да нѣкоторые рабочіе съ деревянными граблями, подбирающіе засохшіе пожелтѣвшіе стебли и травы (для топлива). Въ свою очередь дѣти по дорогѣ собираютъ въ корзины навозъ, который нуженъ для удобренія, и его берегутъ тамъ пуще глаза. На набережной Бай Хоу города Тунъ-Чжоу, въ виду поздняго времени и прекратившагося судоходства, суда и лодки всякой величины были подняты на берегъ; много народа работало около нихъ. Постоялые по пути дворы состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ комнатъ и помѣщеній въ двѣ или три комнаты, неотопливаемыя, съ сплошными оконными рамами, забранными, вмѣсто стекла, бумагою. Отопленіемъ служитъ переносная жаровня, наполненная горячими перегорѣвшими углями. Теплая изъ баранины и овощей похлебка пришлась по вкусу, и мы ѣли ее охотно. Вообще путешествіе наше, благодаря тихой солнечной погодѣ, мы совершили прекрасно, безъ усталости и безъ всѣхъ тѣхъ лишеній, на которыя обыкновенно жалуются, и съ громаднымъ при томъ интересомъ. Неприглядно было только въѣзжать въ грязныя, изрытыя, усѣянныя каменьями, разными обломками немощеныя улицы резиденціи «сына неба». Но вотъ мы наконецъ передъ стѣной и воротами нашего русскаго посланническаго помѣщенія и передъ нами предстали среди оголенныхъ уже отъ листвы деревьевъ нѣсколько домовъ миссіи и въ глубинѣ двора помѣщеніе посланника—большой одноэтажный съ крытой галлереей домъ. Едва сошелъ я съ лошади, какъ Е. К. Бютцовъ вышелъ во дворъ навстрѣчу и любезно оказалъ свое гостепріимство. Нѣсколько влѣво отъ дома находится церковь съ колокольней. Все это мѣсто засажено деревьями, переходы между отдѣльными постройками вымощены и содержатся хорошо, и все это мѣсто вообще смотритъ весело. Я уже упомянулъ о посланникѣ. Теперь приведу имена остальныхъ членовъ миссіи: старшій драгоманъ Поповъ, студентъ миссіи Поповъ, докторъ Бретшнейдеръ—ученый ботаникъ, знатокъ мѣстной исторіи и издатель карты Китая; военный агентъ Бодиско, недавно женившійся на молодой, красивой американкѣ, и на-

конецъ почтмейстеръ Гомбоевъ. Мысленно къ этому составу остается присовокупить А. И. Кояндера, какъ секретаря миссіи, съ которымъ я познакомился въ Тянь-Дзинѣ.

Пишу эти строки послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Пекинѣ, готовясь въ дальнѣйшій и труднѣйшій путь, на Монголію, въ Кяхту и далѣе въ Сибирь для продолженія прерванныхъ, на время переѣзда, служебныхъ занятій. Телѣги (двухколесныя арбы, иначе баулы, обитыя внутри, для большаго тепла) изготовляются въ Калганѣ. Тамъ заказаны и всѣ продовольственныя принадлежности—замороженые щи, большими кругами, какъ здѣсь дѣлаютъ, замороженные пельмени, яица и пр. Здѣсь же запасаюсь теплой одеждой, необходимой собственно для степнаго переѣзда, и пріобрѣтаю также кое-какую китайщину, которая, сказать кстати, дѣлается и здѣсь рѣдкостію: я разумѣю старинный фарфоръ и въ особенности старую бронзу. Но затѣмъ, что же пришлось мнѣ видѣть въ эти дни? Вопросъ, напрашивающійся самъ собою, и что же—кромѣ одного ламайскаго храма, да золоченыхъ кровлей разныхъ зданій дворца Богдыхана, помѣщающихся за нѣсколькими стѣнами въ запретной для европейцевъ части города, также одного моста, базарной сутолоки и лавокъ—ничего больше, и это все, что имѣется для обозрѣнія въ этомъ центрѣ Китайской имперіи. Сѣрая масса зданій, груда камней отъ развалинъ всякаго рода, разбросанныхъ по дорогѣ, непроѣздная вонючая грязь, или, смотря по погодѣ, страшная пыль и среди всего этого въ торговыхъ частяхъ города необыкновенное движеніе—вотъ Пекинъ, какъ онъ есть. Постоянно встрѣчаются разныя процессіи—похоронныя, свадебныя и иныя. Первыя, нескончаемыя, съ голосящими плакальщиками, останавливающимися по временамъ, для принятія, попутно, угощеній. Свадебныя процессіи, обыкновенно днемъ, но тоже съ фонарями, хотя безъ огня, съ закрытымъ паланкиномъ, укрывающимъ невѣсту. При узкихъ улицахъ, движеніе крайне стѣснено, тѣмъ болѣе, что народъ, вслѣдствіе любопытства, при слѣдованіи процессій, обыкновенно пріостанавливается.

Я началъ съ пріятнаго впечатлѣнія, по случаю пріѣзда и ознакомленія съ нашей миссіей.—Закончу съ отраднымъ же чувствомъ по поводу посѣщенія нашего, такъ называемаго сѣвернаго подворья—помѣщенія духовной нашей миссіи и ея уважаемаго архимандрита Флавіана (въ мірѣ Городецкій). Тотъ же за оградой садъ, посреди церковь, вокругъ домà членовъ духовной миссіи и болѣе обширный домъ настоятеля, гдѣ помѣщается библіотека миссіи, извѣстная своимъ богатствомъ. Тутъ же помѣщается школа для православныхъ китайскихъ дѣтей (мальчиковъ), изъ мѣстныхъ албазинцевъ, исстари православныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ довольно успѣшно изучаютъ русскую грамоту, но едва понимаютъ русскую рѣчь, не тò, что японцы, обучающіеся въ школѣ епископа Николая. Изъ этихъ учениковъ о. Флавіанъ готовитъ теперь одного во священника. Это будетъ первый примѣръ посвященія китайца. Для дѣвочекъ существуетъ отдѣльная школа на особомъ, за общей оградой, дворѣ. Ею завѣдуютъ китаянка, вдова добродѣтельной жизни, какъ объяснили мнѣ.

Миссіонерская дѣятельность здѣсь очень сложна, требуетъ большой осторожности. Русская духовная миссія, насколько извѣстно, не занимается пропагандой, служа едва-ли не исключительно лишь для бывшихъ прежде православныхъ. Католическія духовныя миссіи процвѣтаютъ наружно, но неизвѣстно, чтобы онѣ служили большему общенію съ европейцами. Христіанинъ не сживается съ мѣстной средой, и принявшій христіанство какъ бы выбрасывается изъ нея, живя обособленной жизнію. По сю пору ни одинъ европеецъ, изъ оффиціальныхъ даже представителей, не переступалъ порога частнаго жилья должностнаго китайца. Китайцы сами являются на приглашенія, но къ себѣ не зовутъ. Они европейцевъ терпятъ, но съ ними, такъ сказать, не живутъ, и такъ во всемъ. Задатковъ къ взаимности нѣтъ, и это послѣ столькихъ лѣтъ европейскаго представительства въ здѣшней имперіи.

5-го декабря. Всенощная въ церкви сѣвернаго подворья. Пѣли китайцы по-русски, а отче-нашъ пропѣли по-китайски. Теперь вся наша церковная служба, стараніемъ о. Флавіана, переведена на китайскій языкъ. Готовящійся во священника китаецъ сказалъ проповѣдь.

6-го декабря. Обѣдня была въ посольской церкви. Послѣ завтракъ у Попова 2-го, именинника, въ китайской гостинницѣ. Пришлось познакомиться съ китайскими яствами, начиная съ ласточкиныхъ гнѣздъ. Отличительная особенность этой кухни—усиленное разваривание, особенно овощей, и прѣсный вкусъ, требующій усиленной приправы. Китайское рисовое вино не дурно, сласти вкусны. Вечеромъ у посланника, какъ и всякій день, играли по маленькой въ ералашъ. Докторъ услаждалъ музыкой. Е. К. Бютцовъ, вслѣдствіе простудной лихорадки, не выѣзжаетъ и не принимаетъ. Только германскій посланникъ, фонъ Брандтъ, тоже больной, страдающій грудью, какъ особенно дружный съ Бютцовымъ, навѣщаетъ его, когда солнце свѣтитъ и грѣетъ, т. е. до 4-хъ часовъ, запираясь затѣмъ у себя на остальное время. Я былъ у него. Онъ очень пріятный въ обхожденіи и интересный въ разговорѣ. Помѣщеніе его, недавно отстроенное, переполнено собраніемъ китайской старины.

7-го декабря. Сегодня, за позднимъ обѣдомъ, собралась, по приглашенію Бютцова (совсѣмъ расхворавшагося и страдающаго ревматизмомъ, что тѣмъ прискорбнѣе, что онъ въ настоящее время находится здѣсь безъ семьи, которая проживаетъ въ Россіи) вся русская колонія, были и дамы.

8-го декабря послѣдовалъ мой выѣздъ изъ города, съ пріостановкой на пути у русскаго кладбища, въ отдѣльномъ небольшомъ домѣ у о. архи-

мандрита. Наше тутъ кладбище производитъ отрадное впечатлѣніе своимъ отличнымъ порядкомъ. Все оно обнесено каменной стѣной. Гробовыя плиты и памятники содержатся заботливо, обсажены деревьями. Самое кладбище внутри наружной ограды подраздѣлено еще на отдѣлы, тоже огороженные: въ одномъ—бо̀льшемъ, русскія могилы, въ другомъ пока одна лютеранская. На входномъ дворѣ установлена въ стѣнѣ мраморная плита въ память по убитымъ въ 50-хъ годахъ англичанамъ.

У упомянутаго дома, на отдѣльномъ дворѣ, хотя и за общей оградной стѣной, имѣется еще меньшихъ размѣровъ домъ, примѣрно въ 4 сажени длиной и въ $2^1/_2$ ширины въ одну комнату съ русской печью. Въ этомъ домикѣ въ 1859—60 г. помѣщался нашъ уполномоченный въ Китаѣ, молодой генералъ Игнатьевъ [1]), только-что передъ тѣмъ отбывшій миссію въ Хиву и Бухару. Раздѣливъ комнату ширмой, имѣлъ онъ здѣсь и кабинетъ свой и спальню, и врядъ ли не тутъ же помѣщался его слуга. Здѣсь, какъ мнѣ передавали, велъ Игнатьевъ переговоры съ китайскими властями и тутъ же видѣлся онъ съ лордомъ Эльгинымъ. Извѣстны успѣшныя его дѣйствія и достигнутые имъ результаты, и потому помѣщеніе это пріобрѣтаетъ для насъ историческое значеніе. Въ этомъ году архимандритъ Флавіанъ его поновилъ, теперь же было предположено утвердить въ наружной стѣнѣ дома доску, въ память пережитой эпохи заключенія пекинскаго договора и замиренія англо-французской съ китайцами распри.

8-го—12-го декабря. Переѣздъ изъ Пекина въ Калганъ длился ровно четверо сутокъ. Ѣхалъ на носилкахъ, къ которымъ въ переднія и заднія оглобли впрягались мулы. 2-й день переѣзда, за вратами Гуанъ-Гоу, великой китайской стѣны, былъ особенно тяжелъ. Пришлось ѣхать сначала тропою по каменистому грунту, то спускаясь, то подымаясь въ гору, а потомъ по неустроенной же дорогѣ, среди полей и деревень. Жизнь и тутъ, какъ въ переѣздъ изъ Тянь-Дзина, въ сильномъ движеніи. Обозовъ и проѣзжающихъ верхомъ и въ носилкахъ столько, что не только по неустройству пути, но по одному такому скопленію проѣзжающихъ, нельзя двигаться иначе, какъ шагомъ. Останавливались для обѣда и ночлега на постоялыхъ дворахъ. Все тѣ же китайскіе дома, съ забранными бумагой рамами и дверьми, и съ однѣми жаровнями для согрѣванія. Мы спали на нарахъ, покрытыхъ цыновками. Съ нами были пледы и шубы, особенно длинныя, неудобныя для ходьбы, но практичныя для укрыванія ногъ во время переѣздовъ. Вообще мы чувствовали себя хорошо и ѣхали весело. Только Титовъ, къ сожалѣнію, поѣхавъ вначалѣ верхомъ, упалъ и ушибъ себѣ руку, такъ что пришлось прибѣгнуть къ нашей аптечкѣ и дѣлать перевязки. При въѣздѣ

[1]) Нынѣ графъ (съ 1877 г.); членъ Госуд. Совѣта; былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1881–1882 гг. (по 30-е мая).

въ Калганъ, меня встрѣтилъ здѣшній почтовый нашъ чиновникъ, молодой Аслановъ, воспитывавшійся въ Иркутской гимназіи. Квартира была тепла и уютна, а купецъ-домохозяинъ, другъ тянь-дзинскаго Старцева, ведущій съ нимъ большое чайное дѣло—пріятный и толковый человѣкъ. Въ числѣ его служащихъ, одинъ юноша Карелинъ кончилъ курсъ въ кяхтинскомъ реальномъ училищѣ и здѣсь приготовляется къ торговой дѣятельности. Онъ знаетъ англійскій языкъ, что̀ для сношеній съ здѣшними портами безусловно необходимо. Всѣ эти служащіе въ нашихъ торговыхъ фирмахъ знаютъ китайскій и монгольскій языки. Различныя китайскія нарѣчія крайне затрудняютъ сношенія. Такъ съ моимъ русско-китайскимъ словаремъ, пріобрѣтеннымъ въ Пекинѣ, здѣсь, въ Калганѣ, далеко не уѣдешь. Тамъ свое, здѣсь другое нарѣчіе.

Доктора въ Калганѣ, нужнаго Титову, для его больной руки, не оказалось, но нашлась докторша, среди американскихъ миссіонеровъ.

14-го декабря. Послѣ молебна, который былъ отслуженъ проѣзжавшимъ черезъ Калганъ, вновь назначеннымъ членомъ духовной миссіи о. Алексѣемъ (въ мірѣ титулярный совѣтникъ Виноградовъ, кандидатъ Ярославскаго лицея)—мы выѣхали изъ Калгана. Путь до Урги былъ разсчитанъ въ 10, 12 дней, по ниже приводимому маршруту [1]). Я и Ти-

[1]) Почтовая дорога отъ Калгана до Урги:

	вер.		вер.
1. городъ Калганъ	30	26. Хонче..........................	28
2. Станціи: Чаганъ Тологой....	25	27. Нарунъ..........................	42
3. Бургасутай.........................	28	28. Гербанъ-найша.................	28
4. Халютай.............................	24	29. Салату.............................	22
5. Оро-лудукъ.........................	24	30. Дзеберъ...........................	25
6. Куй-сутай...........................	22	31. Бара-обо..........................	36
7. Чжагустай..........................	18	32. Кутулъ.............................	30
8. Мингалъ.............................	26	33. Сайра-жу.........................	30
9. Чечертай............................	26	34. Сучжи.............................	31
10. Чжинтай.........................	36	35. Салгай............................	28
11. Улаха................................	24	36. Баинъ-билкихъ.................	28
12. Бомбету............................	22	37. Баинъ-хожигу..................	24
13. Шарахада.........................	18	38. Баръ-дача........................	23
14. Болтай..............................	22	39. Тойръ.............................	33
15. Олонъ-лудукъ...................	24	40. Мотденъ..........................	33
16. Цаганъ-худукъ..................	25	41. Нарынъ............................	30
17. Шара-муренъ....................	27	42. Тала-булыкъ....................	33
18. Уланъ-лудукъ...................	29	43. Ондуръ-табу....................	23
19. Цесы-хонгоръ...................	20	44. Чжаргаланту (Чергылантъ)..	28
20. Коремхаръ........................	33	45. Дологонъ (Долдо).............	20
21. Биланъ..............................	25	46. Бухукъ............................	27
22. Суджи...............................	20	47. Сонoсхолапту (Сондынкъ)....	19
23. Толи-булакъ......................	25	48. городъ Урга......................	23
24. Туруринъ..........................	28		
25. Гаше................................	36	Всего	1296

товъ помѣстились въ 2-хъ упомянутыхъ крытыхъ телѣгахъ. Затѣмъ толмачъ и курьеръ Зайцевъ заняли 3-ю такую же крытую телѣгу. Были съ нами и верховыя лошади. Вещи, при одномъ верблюдовожатомъ, были высланы отдѣльно на 5-ти верблюдахъ. Я былъ снабженъ громаднаго размѣра подорожной. Меня сопровождали монгольскіе чиновники и конвой.

Еще два слова объ о. Алексѣѣ, только-что упомянутомъ. Его ждали въ Ургѣ и Калганѣ особенно нетерпѣливо. Предвидѣлись свадьбы, были некрещеныя еще дѣти, да наконецъ заждались церковной службы вообще. Къ тому же русское сердце ждало случая помолиться за покойнаго государя,—о чемъ и была вездѣ первая, обращенная къ о. Алексѣю просьба.

14-го—27-го декабря. Выѣхавъ изъ Калгана 14-го, мы только 27-го пріѣхали въ Ургу, ѣхавъ день и ночь, съ небольшими остановками для обѣда, ужина и кратковременнаго сна. Погода за исключеніемъ одного съ мятелью дня (въ сочельникъ, 24-го декабря), благопріятствовала путешествію. Было относительно тепло и сухо. По всей почти степи снѣга не было, а скованная морозомъ земля сдерживала песокъ песчаныхъ равнинъ, и вѣтеръ не вздымалъ его, на что́ такъ жалуются лѣтніе путешественники. Особенно озабочивали насъ наши телѣги, въ случаѣ полома, такъ какъ въ степи не найти кузнеца и потребнаго матеріала. По счастью, обошлись взятымъ съ собой запаснымъ матеріаломъ и парой запасныхъ колесъ. Останавливались въ монгольскихъ юртахъ, гдѣ посреди разводя огонь, сами стряпали себѣ пищу изъ взятыхъ консервовъ и замороженныхъ щей, пельменей, яицъ и ветчины. Эти юрты служили и для короткаго отдыха по ночамъ. Снѣжныхъ перегоновъ, когда пришлось замѣнить мелкихъ монгольскихъ лошадокъ верблюдами,—было всего 4, по направленію къ Ургѣ. Послѣдующіе же затѣмъ три перегона до Урги и далѣе по направленію къ Кяхтѣ—были опять безснѣжные. Одинъ изъ дней пути, 24 декабря, никогда не изгладится изъ памяти. Раннимъ утромъ, какъ обыкновенно, поднялись мы въ дорогу. День обѣщалъ быть благопріятнымъ. Хотя и было сумрачно, но тихо и тепло. Вскорѣ же, едва замѣтно вначалѣ, стало снизу мести, какъ будто снѣжной пеленой прикрывая и сглаживая дорогу. Постепенно, съ усиленіемъ вѣтра, метель росла, заволокала глаза, и въ этомъ вихрѣ снѣга терялись очертанія окрестныхъ мѣстъ и даже нашего собственнаго каравана. Такъ наступилъ полдень, завечерѣло, стемнѣло потомъ, а мы все еще продолжали двигаться, не видя конца пути. Наконецъ заговорили вожаки-монголы, что надо-де остановиться, распречь верблюдовъ, лечь подъ повозки и ждать, когда стихнетъ. Перспектива была невеселая, къ тому же мы всѣ съ утра ничего не ѣли. И такъ въ сомнѣніи, не зная, что предпринять и на что рѣшиться, прошло еще нѣ-

сколько времени, какъ вдругъ, на наше счастье, въ нѣкоторомъ разстояніи блеснули искры въ воздухѣ: то былъ признакъ жилья. Мы двинулись въ этомъ направленіи и вскорѣ добрели до монгольской зажиточной усадьбы. Молодая монголка, въ ожиданіи запоздавшаго мужа, развела огонь посреди своей юрты, и искры отъ этого огня послужили намъ путеводнымъ знакомъ. Мы обогрѣлись у костра, стали разогрѣвать и готовить пищу, а между тѣмъ метель стихла, небо прояснило, и миріады звѣздъ ярко заблистали надъ необозримой степью... Такъ-то, какъ и подобаетъ въ сочельникъ, намъ не пришлось ѣсть до звѣзды...

На другой день, рано утромъ, мы доѣхали до первой, предстоявшей намъ наканунѣ станціи—большаго аула, гдѣ я устроилъ обильное угощеніе, ради нашего рождественскаго праздника, какъ своимъ конвойнымъ, такъ и аульнымъ, при чемъ женщинамъ-монголкамъ роздалъ каждой по два четвертака для серегъ, какъ онѣ носятъ.

Вся мѣстность тутъ довольно волнистая, а потому, хотя и степная, но мало напоминала мнѣ Оренбургскія киргизскія степи. Передъ въѣздомъ въ Ургу, меня встрѣтили испр. долж. консула Успенскій съ драгоманомъ Протасьевымъ, почтмейстеромъ Тарховымъ и купцомъ Воробьевымъ. Вмѣстѣ доѣхали до Урги, гдѣ въ обширномъ домѣ консула я нашелъ радушный пріютъ.

VI.

Урга.—Прибытіе каравана.—Отъѣздъ.—Характеръ мѣстности.—Признаки осѣдлости.—Троицкосавскъ.—Кяхта.—Бестужевская школа въ Селенгинскѣ.—Декабристскій попугай.—Верхнеудинскъ.—Вторичный пріѣздъ въ Иркутскъ.—Двухмѣсячное пребываніе.—Мѣстное общество.—Письмо архіепископа Веніамина о легендарномъ старцѣ.—Переѣздъ въ Омскъ.—Обратный путь.—Пріостановка въ Томскѣ и въ Красноярскѣ.—Новый вице-губернаторъ.—Триста верстъ въ перекладной.—Вновь Иркутскъ.—Телеграмма министра внутреннихъ дѣлъ.—Выѣздъ—Байкалъ.—Верхнеудинскъ.—Петровскій заводъ.—Кладбище.—Могилы Лепарскаго и друг.—Прошлое и настоящее завода.—Попутныя селенія раскольниковъ.

Урга. 27-го — 29-го декабря. Здѣсь имѣются отдѣльные кварталы—китайскій, монгольскій и русскій. Первые два отличаются тѣмъ, что дворы окружены высокими заборами-тынами. Русскій кварталъ состоитъ изъ небольшихъ домиковъ, имѣетъ городской видъ. Большія златоверхія крыши и купола украшаютъ мѣстныя молельни. Тутъ мнѣ пришлось пробыть двое сутокъ, такъ какъ мой отъѣздъ зависѣлъ отъ прихода каравана съ моими вещами. На третій день 29-го

рано утромъ показались на горизонтѣ тонкой нитью, медленно переступавшие верблюды—то были мои съ вещами. Прошли они при одномъ вожакѣ безъ всякаго конвоя по безпредѣльному пространству совершенно благополучно и исправно. Вообще здѣсь не запомнятъ случаевъ ограбленія каравановъ. Немедленно собравшись въ путь, 29-го же утромъ выѣхалъ по почтовому тракту въ Троицкосавскъ, куда и прибылъ 31-го въ обѣдъ.

За Ургой мѣстность измѣняетъ свой характеръ—входишь въ раіонъ менѣе степной, мѣстами гористый и лѣсной. Кочевья монголовъ отличаются уже признаками осѣдлости: имѣются загороди, навѣсы, дворы окружены заборами, однѣ только юрты остаются неизмѣнными.

Встрѣтивъ новый 1882 годъ отслуженной у меня вечеромъ на квартирѣ всенощной, я затѣмъ въ троечныхъ саняхъ по прекрасному пути проѣхалъ въ Кяхту, гдѣ обѣщалъ въ почтенной семьѣ Пфаффіуса, нашего пограничнаго коммиссара, завершить встрѣчу новолѣтія. Тутъ познакомился съ многочисленнымъ купеческимъ обществомъ Кяхты. На слѣдующій день послѣдовалъ обмѣнъ визитовъ и безконечныя приглашенія. Русскому радушію и хлѣбосольству не было ни размѣровъ, ни конца. Кяхта прекрасно обстроена, а мѣстный соборъ замѣчателенъ по виду и богатству. Многіе изъ мѣстнаго купечества сохраняютъ еще память о декабристахъ, жившихъ по сосѣдству въ Селенгинскѣ, гдѣ у Бестужевыхъ (Михаила и Николая Александровичей) была школа и гдѣ со многими другими воспитался не разъ упомянутый мной тянь-дзинскій Старцевъ. Тутъ же вращался въ дѣтствѣ проживающій теперь въ Кяхтѣ купецъ Лушниковъ. Благовоспитанность и образованность декабристовъ оставили въ краѣ замѣтный слѣдъ. Кстати о Лушниковѣ. Послѣ декабриста Торсона остался попугай, вывезенный имъ изъ кругосвѣтнаго плаванія, 1819 и 21 гг., въ подарокъ матери, перевезенный ею въ ссылку къ сыну. Онъ пережилъ и хозяина своего, и его мать и по завѣщанію сестры Торсона перешелъ въ домъ Лушникова, гдѣ дожилъ до прошлаго года и гдѣ теперь, какъ дорогое воспоминаніе, въ той же клѣткѣ, въ видѣ чучелы, заботливо сохраняется.

В е р х н е у д и н с к ъ. Здѣсь на пути въ Иркутскъ предстояло пріостановиться на нѣсколько дней, живя въ домѣ гостепріимной и богатой семьи Голдобиныхъ. 11-го я н в а р я, вечеромъ, переѣхавъ по едва замерзшему Байкалу, я прибылъ въ И р к у т с к ъ. Генералъ-губернаторъ Д. Г. Анучинъ, оставшись до весны съ семьей въ Петербургѣ, любезно предоставилъ мнѣ остановиться въ генералъ-губернаторскомъ домѣ.

Что сказать о моемъ частномъ житьѣ въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ въ Иркутскѣ? Я устроился своимъ хозяйствомъ, при чемъ удобное и обширное помѣщеніе въ генералъ-губернаторскомъ домѣ дало мнѣ

возможность приглашать къ себѣ разныхъ лицъ, служащихъ и постороннихъ, съ которыми приходилось сходиться. Такимъ образомъ я могъ, съ своей стороны, хотя въ малой степени, отвѣчать на всѣ тѣ любезности, которыя расточались со всѣхъ сторонъ (обѣды Хаминова, изъ почетныхъ гражданъ тайнаго совѣтника, щедраго жертвователя на учебныя заведенія, камергера Сиверса, праздники у Базановыхъ, у городскаго головы Демидова и др.) Умный, просвѣщенный и прекрасной души архіепископъ Веніаминъ снабжалъ меня «Московскими Вѣдомостями» и «Русью», а бесѣда его была особенно дорога и поучительна. Онъ былъ предварительно нерчинскимъ и камчатскимъ епископомъ. Иркутскій губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Педашенко, въ этотъ мой пріѣздъ, еще болѣе убѣдилъ меня въ заботливомъ отношеніи его къ порученной ему обязанности. За отъѣздомъ генералъ-губернатора, онъ исполнялъ его должность. Н. Н. Муравьевъ, отправляясь начальствовать въ Восточную Сибирь, пригласилъ съ собой на службу нѣсколькихъ гвардейскихъ офицеровъ, и многіе изъ нихъ посвятили всю свою жизнь этой далекой окраинѣ. Въ числѣ ихъ были два брата Педашенко: одинъ упомянутый и другой, продолжавшій также служить тамъ артиллерійскій генералъ. Члены совѣта главнаго управленія Сибири Шестаковъ (горный), баронъ Розенъ (строительный) Булатовъ (обще-распорядит.) и Ефимовъ (по суд. ч.), съ которыми мнѣ пришлось имѣть служебныя отношенія—производятъ всѣ безусловно прекрасное впечатлѣніе. Ефимовъ же, какъ самъ сибирякъ, выдается еще особой любовью и преданностью къ родинѣ. Камергеръ Сиверсъ, изъ бывшихъ мѣстныхъ исправниковъ, женившійся на дочери богатаго золотопромышленника Базанова, занималъ, состоя при генералъ-губернаторѣ, такое положеніе въ краѣ, что вновь назначенный генералъ-губернаторъ Анучинъ вызвалъ въ Петербургъ никого другаго, какъ Сиверса, хотя о дѣловитости его не могло быть и рѣчи. Это дало даже поводъ къ слѣдующей впослѣдствіи остротѣ насчетъ Анучина: его ожидали въ Сибири съ большимъ нетерпѣніемъ, но ожидали его, будто-бы, инымъ, и вотъ сочинили мѣстные остряки, что подмѣнилъ-де его Сиверсъ и привезъ не того, кого назначили.

8-го ф е в р а л я. Сегодня былъ у меня прибывшій въ Иркутскъ изъ Томска купецъ Хромовъ, у котораго жилъ и умеръ старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ, о которомъ я уже упоминалъ. Пріѣхалъ онъ сюда для свиданія съ своимъ зятемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ привезъ мнѣ свои записки о старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ, да посѣтилъ затѣмъ высокопреосвященнаго иркутскаго Веніамина, съ которымъ велъ бесѣду о томъ же старцѣ. По этому поводу архіепископъ Веніаминъ въ тотъ же день написалъ мнѣ:

«По пріѣздѣ отъ васъ, я встрѣтилъ у себя Хромова и изъ двухъчасоваго разговора съ нимъ только еще болѣе утвердился въ своемъ

мнѣніи о нравственно-религіозномъ состояніи Ѳедора Кузьмича. Но приписываемымъ ему высокимъ саномъ онъ самъ никогда себя не называлъ, а только на вопросъ Хромова, не онъ ли императоръ Александръ Павловичъ, отвѣтилъ: «эта тайна великая», изъ чего Хромовъ и заключилъ о его мнимомъ санѣ. Самъ онъ пришелъ къ этой мысли, вслѣдствіе народной молвы о смерти Александра 1-го и еще вслѣдствіе бывшаго, будто-бы, видѣнія красноярской діаконицы Поповой, родственницы преосвященнаго Павла камчатскаго, а она это видѣніе видѣла по возвращеніи изъ путешествія на богомолье въ Россію, гдѣ, вѣроятно, также слышала о народной молвѣ. Вообще же я замѣтилъ, что Хромовъ непонятныя слова Ѳ. К. любитъ объяснять согласно своимъ предвзятымъ о немъ мнѣніямъ».

Съ своей стороны по отношенію къ Хромову прибавлю, что онъ ничего для себя лично не ищетъ и ни о чемъ не ходатайствуетъ, развѣ только объ охраненіи и поддержаніи могилы Ѳедора Кузьмича въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ—скромнаго деревяннаго креста съ такой же деревянной оградой. На этомъ крестѣ была Хромовымъ сдѣлана надпись: «Великій рабъ Божій старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ», но, распоряженіемъ полиціи, надпись эта была, почему-то, уничтожена.

9-го марта я выѣхалъ въ Усолье, (варницы Базановыхъ и Хаминова, рядомъ съ Александровскимъ солеваренным заводомъ). Оттуда же, на слѣдующій день, отправился по большому сибирскому тракту, на Томскъ, въ Омскъ. Теперь зимой эти, здѣшнихъ лѣсовъ, пихты, ели, сосны, вѣчно зеленыя, еще величественнѣе. Путешествіе по здѣшнимъ мѣстамъ—«сущій бредъ», по выраженію Сперанскаго.

Зимній путь прервался за двѣ лишь станціи до Красноярска, всегда бѣднаго снѣгами. Но что за дорога оказалась за Ачинскомъ къ Томску! Выбоины и ухабы размѣрами и учащенностію превосходятъ всякое предположеніе. Завертки у оглоблей рвались по нѣсколько разъ въ день, ломались отводы у саней, а каково было ѣдущимъ. Человѣкъ оказывается выносливѣе и все ему сходитъ легче. Такъ и мы благополучно добрались до Томска, гдѣ мнѣ пришлось пробыть 3 дня. Отсюда къ Омску (мѣстопребываніе генерала-губернатора) путь лежалъ на Колывань и Каинскъ, такъ—называемой Барабой. Здѣсь, какъ и на пути къ Ачинску, въ округахъ Ачинскомъ и Каинскомъ много ссыльныхъ, приселенныхъ къ селеніямъ старожиловъ. Недѣля, проведенная мною въ Омскѣ въ домѣ генералъ-губернатора Мещеринова, благодаря Григорію Васильевичу и Вѣрѣ Дмитріевнѣ и ихъ милымъ дѣтямъ—была мнѣ особенно по сердцу. Омскъ выдается массой учебныхъ заведеній, прекрасно обставленныхъ. Тутъ кстати упомянуть, что и мѣстная тюрьма, по прилагаемой заботѣ вице-губернаторомъ Курбановскимъ (студентъ Казанскаго университета), оказалась въ хорошемъ состояніи.

На обратномъ пути, для нѣкотоныхъ служебныхъ справокъ, я долженъ былъ вновь остановиться въ Томскѣ. Тутъ, на этотъ разъ, могъ закончить возложенное на меня министромъ внутреннихъ дѣлъ особое порученіе по телеграфному департаменту. Собираемыя данныя по другому еще порученію, по почтовому департаменту, значительно пополнилъ. Здѣсь, за малымъ уже снѣгомъ, пришлось разстаться съ возкомъ и ѣхать на перекладныхъ саняхъ. Не доѣзжая же до Иркутска за 300 верстъ, пришлось бросить и сани и продолжать путь въ почтовой телѣгѣ. Наконецъ оказалось, что Ангара подъ Иркутскомъ уже прошла, такъ что переѣхать ее возможно было только въ Усольѣ, гдѣ ледъ еще держался. Эти послѣднія свѣдѣнія получены мною въ Красноярскѣ, гдѣ я былъ задержанъ по дѣламъ на три дня. Такимъ образомъ затянулась моя поѣздка до конца марта. Желаніе мое отдѣлить въ здѣшней тюрьмѣ дѣтей отъ взрослыхъ уже осуществлено, другія же по Красноярской тюрьмѣ пожеланія и данныя указанія ожидаютъ еще исполненія.

Переѣздъ къ Иркутску на перекладной сказался на здоровьѣ: меня стало сильно лихорадить, а весеннее солнце дотого обожгло лицо, что совѣстно показаться. Возвратился какъ разъ къ Пасхѣ и благодаря домовой церкви въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, могъ, не выѣзжая, причаститься за пасхальной литургіей.

Перечтя только-что записанное относительно совершеннаго переѣзда, не могу еще разъ не упомянуть о видимомъ довольствѣ сибирскихъ деревень. Теперь зимой окна въ избахъ заставлены самыми яркими цвѣтами. Такая любовь къ цвѣтамъ необычна у насъ. Тесовыя крыши и хорошія постройки, при широкихъ, длиннѣйшихъ улицахъ, придаютъ селеніямъ характеръ пригородныхъ слободъ. Отсутствуютъ только благолѣпные храмы. За рѣдкими исключеніями, всѣ имѣющіяся въ селеніяхъ церковки, какъ ихъ тутъ называютъ, деревянныя, вродѣ избныхъ срубовъ. Но войдя въ нихъ, а мнѣ случалось не разъ въ дорогѣ пріостанавливаться и входить во время службы, даже во время утрень, найдешь церковь переполненной молящимися.

30-го марта. Предположенію моему вернуться морскимъ путемъ, по обозрѣніи Нерчинской каторги и посѣщеніи еще разъ Сахалина, не суждено осуществиться. Мной получена слѣдующая телеграмма министра внутреннихъ дѣлъ: «желательно, чтобы вы успѣли осмотрѣть Кару и безотлагательно вернулись въ Петербургъ, для вступленія въ управленіе въ виду выхода статсъ-секретаря Грота» [1]).—Я отвѣчалъ, что, выѣзжая немедленно въ Нерчинскъ — Кару, безотлагательно по осмотрѣ, отправлюсь обратно, кратчайшимъ путемъ, на Томскъ.

---

[1]) К. К. Гротъ предсѣдательствовалъ въ Совѣтѣ по тюремнымъ дѣламъ и завѣдывалъ въ это время, на правахъ министра, тюремнымъ управленіемъ.

3-го апрѣля. Выѣхалъ ночью въ Верхнеудинскъ. Не безъ затрудненій пришлось перебраться черезъ Байкалъ: зимній путь еле поддерживался и Байкалъ грозилъ со дня на день вскрытіемъ. Экипажъ перевезли шагомъ по льду у самаго берега. Путешественники же, въ томъ числѣ и я, слѣдовали то пѣшкомъ, то съ помощью салазокъ, запряженныхъ въ одну лошадь, ведомую проводникомъ. Путь лежалъ среди громаднаго размѣра льдинъ, вывороченныхъ изъ глубинъ Байкала и покрывшимъ его почти сплошь. Образовавшіяся расщелины во льду были мѣстами настолько широки, что переступить ихъ было невозможно; тутъ помогали салазки. Переходъ былъ совершенъ благополучно. На слѣдующій день изъ Верхнеудинска я проѣхалъ въ Петровскій желѣзодѣлательный заводъ, гдѣ работаютъ арестанты каторжнаго разряда. Тутъ, въ свое время, работали декабристы. На кладбищѣ сохраняется могила извѣстнаго по доброй памяти С. С. Лепарскаго. На томъ же кладбищѣ имѣются памятники, поставленные надъ прахомъ вѣрныхъ спутницъ своихъ мужей—Муравьевой (рожденной графини Чернышевой) и Анненковой. Могила недавно умершаго декабриста Горбачевскаго осѣняется большимъ крестомъ, замѣтнымъ издалека. Домъ семьи Трубецкого служитъ помѣщеніемъ управленія заводомъ, и тамъ же было мое временное помѣщеніе. Другіе дома—Ивашева, Фонвизина — отошли подъ разныя надобности управленія. Всѣ они вблизи завода, отъ котораго тянутся теперь длинныя улицы жилищъ крестьянъ-рабочихъ. 40 человѣкъ каторжныхъ, изъ разряда исправляющихся, живутъ по квартирамъ, или же въ домахъ, принадлежащихъ ихъ семьямъ. Отбывая урокъ, они въ остальное время дня ходятъ на частныя работы. Въ большинствѣ нуждаются. Жены-матери жаловались мнѣ на невыдачу на дѣтей кормовыхъ, за недостаткомъ ссыльно-поселенческаго капитала. Осмотръ завода и самой добычи руды (въ 20 верстахъ) привелъ къ неутѣшительному выводу о совершенной первобытности обработки и добычи желѣза. Новыхъ развѣдокъ не производится по неотпуску необходимыхъ средствъ. Добываютъ руду на поверхности то тамъ, то сямъ, лишь бы выручить опредѣленный minimum (100 тысячъ пудовъ). Возможность увеличенія добычи и задолжанія на работы несравненно большаго числа каторжныхъ очевидна. Помимо этого, весьма существеннаго обстоятельства, меня заинтересовалъ самый путь къ заводу среди сплошныхъ полей и зажиточныхъ поселеній такъ называемыхъ «семейскихъ». Это раскольники-безпоповцы, выселенные сюда со своими семьями, болѣе 100 лѣтъ назадъ, изъ сѣверо-западнаго края. Обстановка ихъ жилищъ отличается вкусомъ и довольствомъ. Женщины общительны, щеголеваты и красивы. Мужья болѣе сдержаны въ обращеніи, умны и работящи. Старики сильны общимъ къ нимъ уваженіемъ и послушаніемъ. Хлѣбопашество составляетъ исключительное

ихъ занятіе. Обрабатываютъ они одни яровые хлѣба, начиная съ ярицы, кончая пшеницей. Распахиваютъ землю до самыхъ вершинъ горъ, живописующихъ берега Селенги. Меня встрѣчали съ хлѣбомъ-солью. «Семейцы», какъ ихъ всѣ здѣсь называютъ, вспоминали великаго князя Алексѣя Александровича, его ласковое обращеніе. Старецъ Медвѣдевъ просилъ «поклониться» ему отъ нихъ. Недостатокъ земли побуждаетъ ихъ ходатайствовать о прирѣзкѣ земли. Хорошо было бы отъ каждаго селенія ихъ устроить выселки по Амуру и Уссури. Старики могли бы руководить этими новыми заселеніями; ихъ же устойчивость въ работѣ, единеніе въ поддержаніи другъ друга и трезвый образъ жизни—послужили бы залогомъ упроченія и развитія такихъ выселковъ, въ примѣръ другимъ. Забайкальскій губернаторъ, генералъ Ильяшевичъ, высказывалъ мнѣ по этому поводу свою мысль—направить ихъ въ бурятскія степи, поясняя, что «буряты мало что извлекаютъ изъ земли: будучи народомъ кочевымъ, угнетаемымъ ламами, они только при осѣдлости, къ чему, можетъ быть, побудили бы ихъ, своимъ примѣромъ, русскіе раскольничьи поселенія,—могли бы сдѣлаться и себѣ и правительству полезными».

VII.

Весенняя погода.—Вновь Чита.—Балъ.—Нерчинскъ.—Пребываніе на Усть-Карѣ.—Общія замѣчанія.—Закладка пріютскаго зданія.—Объѣздъ рудниковъ.—Нерчинскій заводъ.—Сосредоточеніе каторжныхъ.—Акатуевскій рудникъ.—Мѣстность.—Побѣгъ государственныхъ преступниковъ.—Опять Кара.—Возвратный путь.—Чита.—Необходимость образованія отдѣльнаго генералъ-губернаторства изъ всего Приамурскаго края съ Забайкальской областью.—Верхнеудинскъ.—Опять Иркутскъ.—Отъѣздъ.—Архіепископъ Веніаминъ.—Томскъ.—Встрѣчные пароходы „Бѣленченко" и „Косаговскій".—Свиданіе съ генералъ-губернаторомъ Апучинымъ.

12-го апрѣля. Весна во всемъ блескѣ теплаго, яркаго солнца. Дороги просохли. По пріѣздѣ въ Читу подлежалъ обсужденію вопросъ о политическихъ каторжныхъ—объ устройствѣ ихъ положенія по окончаніи сроковъ заключенія. Желательное устройство поселеній, съ надѣломъ землею, изъ отбывшихъ каторгу, по возможности на мѣстѣ, не выселяя въ Якутскую область и другія мѣстности, составляетъ вообще большую заботу и немало затрудняетъ мѣстное управленіе.

15-го апрѣля, утромъ, выѣхалъ изъ Читы, легши спать на разсвѣтѣ послѣ пира-бала у Ильяшевичъ. Все Читинское общество было на лицо. Красивая Л., дочь урожденной Трубецкой, дочери декабриста

отъ непризнаннаго брака съ мѣстной сибирячкой—привлекала къ себѣ общее вниманіе. Переѣздъ отъ Читы до Нерчинска, въ настоящую, весеннюю пору, былъ очень затруднителенъ: горныя рѣчки перерѣзывали и портили путь, а безконечныя горы затрудняли болѣе обыкновеннаго подъемы и спуски. Особенно ощущалось это между станціями Князь-Береговой и Галкиной (казачья станица). 16-го вечеромъ мы добрались наконецъ до гор. Нерчинска. Огромный домъ Бутиныхъ, гдѣ и на этотъ разъ мнѣ пришлось остановиться, съ большимъ садомъ при домѣ, оранжереями и различными заведеніями составляетъ главную привлекательность города. Гостепріимные хозяева ожидали насъ. 17-го вечеромъ въ здѣшнемъ отдѣленіи императорскаго русскаго музыкальнаго общества, въ Бутинскомъ помѣщеніи, Бутинскимъ же оркестромъ былъ данъ концертъ по слѣдующей программѣ: I, 1) Увертюра «Jean de Paris»—Boieldieu 2) Гавотъ «Heimliche Liebe»—Resch, 3) «Дочь Фараона», соло для флейты—Ciardi, II, 4) Увертюра «Les diamants de la Couronne»—Auber, 5) Романсъ «Fruhlingsgruss—Resch, 6) Увертюра «L'enlevement du Sérail—Mozart.

Ожидаю пріѣзда Ильяшевича, чтобы одновременно съ нимъ ѣхать отсюда на Кару. Выѣхали 19-го, на Срѣтенскъ, въ Усть-Кару.

Съ 20-го по 25-е апрѣля провелъ на Карѣ. Осмотръ помѣщеній и арестантскихъ работъ по снятію торфа съ золотоносныхъ песковъ и по разнымъ постройкамъ подтвердилъ еще разъ, что всѣ эти работы, какъ и бо̀льшая часть производимыхъ на Сахалинѣ, за исключеніемъ работъ въ угольныхъ копяхъ,—если и представляютъ значеніе въ смыслѣ отбытія наказанія, то единственно вслѣдствіе отдаленности и особыхъ условій самаго мѣста ссылки, а отнюдь не по трудности и тяжести работъ. Къ тому же работы производятся безъ соблюденія установленныхъ правилъ. Достаточно сказать, что подраздѣленія испытуемыхъ и исправляющихся совершенно изгладились изъ практики. Такъ, испытуемыхъ назначаютъ на домашнія, хозяйственныя по тюрьмамъ работы и наоборотъ исправляющихся продолжаютъ занимать болѣе тяжелыми работами. На неправильное исчисленіе сроковъ наказанія предъявлялись постоянныя жалобы...

Общее расположеніе Карійскихъ тюремъ и самая мѣстность признаются вполнѣ удовлетворительными. Только пребываніе тутъ политическихъ, среди массы каторжныхъ, представляется неудобнымъ. Къ тому же устроенныя для нихъ тюрьмы (для мужчинъ и женщинъ отдѣльно), по системѣ общаго содержанія, не удовлетворяютъ требованіямъ порядка, ниже ихъ собственному желанію. Они начинаютъ тяготиться общеніемъ между собою. Цѣлая партія политическихъ въ 12-ть человѣкъ, по настоятельной ихъ просьбѣ, выдѣлена и помѣщена отдѣльно въ такъназываемомъ карцерномъ домѣ, съ общей по серединѣ комнатой, на

Усть-Карѣ. 4-ро другихъ выдѣлены еще и помѣщены въ особыхъ карцерныхъ камерахъ, въ зданіи военнаго караула, по ихъ же просьбѣ. Всѣ ихъ ходатайства были мною разсмотрѣны и возможныя тогда же удовлетворены.

24-го апрѣля состоялась закладка Пріютскаго зданія для арестантскихъ дѣтей. Теперь они помѣщаются въ отдѣльномъ старомъ зданіи. Благодаря новому, молодому смотрителю Бородину, пріютъ поставленъ хорошо, и дѣти-мальчики производятъ прекрасное впечатлѣніе. Для дѣвочекъ же пока не имѣется помѣщенія.

Выѣхалъ 25-го въ Срѣтенскъ и оттуда проѣхалъ по горной дорогѣ на Александровскій заводъ, Акатуй, Алгачинскій рудникъ, Покровскій Кутомарскій заводы, рудники Кадаинскій, Савинскій и Горно-Зерентуйскій, гдѣ строится каменная тюрьма,—въ Нерчинскій заводъ, куда и прибылъ 1-го мая поздно вечеромъ, употребивъ на осмотръ упомянутыхъ пунктовъ, производящихся въ нихъ работъ и имѣющихся при нихъ помѣщеній для рабочихъ-каторжныхъ, ровно шесть сутокъ. Во всѣхъ упомянутыхъ серебро-свинцовыхъ рудникахъ и заводахъ, имѣющіеся для рабочихъ-каторжныхъ зданія—всѣ деревянныя, временныя (въ виду срочности разработки рудниковъ). Большинство требуетъ замѣны новыми, или же капитальнаго ремонта и пристроекъ. Относительно самыхъ работъ слѣдуетъ сказать, что онѣ здѣсь несравненно внушительнѣе и требуютъ много рукъ. Вообще тутъ горное дѣло—въ запустѣніи, оживленіе же его и расширеніе возможны и были бы необходимы въ цѣляхъ, по крайней мѣрѣ, пенитенціарныхъ.

Опытъ поселенія отбывшихъ каторгу примѣненъ здѣсь въ окрестностяхъ Алгачинскаго рудника и оказался весьма удачнымъ. 6-ть домовъ обстроились и обзавелись скотомъ (отъ 5 до 20 головъ) и всѣмъ необходимымъ для хлѣбопашества. При домахъ имѣются огороды.

Возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ ли всѣхъ каторжныхъ, закрывъ каторжныя тюрьмы во внутреннихъ губерніяхъ и также въ губерніяхъ западно-сибирскихъ, направлять исключительно на Сахалинъ и на Кару, удаляя съ Кары и частію съ Сахалина необходимыя партіи каторжныхъ, для работъ по благоустройству городовъ Хабаровки, Владивостока и др. по Амуру, а равно по устройству поселеній и столь необходимыхъ въ краѣ дорогъ. Въ этомъ случаѣ вопросъ о каторгѣ облегчился бы въ томъ уже отношеніи, что каторга была бы сосредоточена и къ тому же въ мѣстности, наиболѣе отвѣчающей требуемымъ условіямъ.

Осмотрѣнный мною Акатуевскій рудникъ весьма незначителенъ по размѣрамъ добычи серебра, но по своему уединенному мѣстоположенію обратилъ на себя, въ свое время, вниманіе и служилъ мѣстомъ ссылки нѣкоторыхъ декабристовъ. Отъ того времени сохранились еще небольшія зданія. Мѣстность чрезвычайно живописная, величественная даже,

и должна дѣйствовать успокаивающимъ, умиротворяющимъ образомъ. Замѣчательно, что и вторая здѣсь мѣстность, избранная для работъ декабристовъ—рудникъ Благодатскій, среди селенія того же имени, неподалеку отъ проѣзжей дороги,—необыкновенно живописна. Спускаясь тутъ съ горы, чувствуешь себя дѣйствительно въ горномъ царствѣ: изрытая горами, съ падями, покрытыми теперь въ изобиліи подснѣжниками и пробивающеюся зеленью, съ крестами и часовеньками на вершинахъ ближнихъ къ поселеніямъ горъ—мѣстность эта сильно впечатлѣетъ путника. Видимыя въ разныхъ мѣстахъ штольни призываютъ въ глубины горъ на работу, по добычѣ металловъ, и сколько уже было употреблено тутъ труда и сколько еще предстоитъ!..

На лугахъ Забайкалья насчитывается до 1.700 видовъ различныхъ растеній. Этимъ объясняется чарующее впечатлѣніе особой цвѣтистости здѣшнихъ луговъ.

На Акатуевскомъ кладбищѣ погребенъ декабристъ Лунинъ, умершій въ 1845 году. На плитѣ невысокаго, обнесеннаго желѣзной рѣшеткой, обелиска, осѣненнаго желѣзнымъ же крестомъ, имѣется надпись: «незабвенному брату Михаилу Сергѣевичу Лунину скорбящая сестра З. У». Далѣе число и годъ смерти.

Предпринятый мною переѣздъ изъ Нерчинскихъ рудниковъ прямо въ Читу былъ прерванъ сообщеніемъ генерала Ильяшевича о побѣгѣ съ Кары 8 государственныхъ преступниковъ, съ обращенной ко мнѣ его просьбой проѣхать вновь въ Усть-Кару. Въ числѣ бѣжавшихъ было два серьезныхъ: Мышкинъ и Юрковскій (извѣстный подъ именемъ Сашки). Съ тяжелымъ чувствомъ пришлось со станціи Бянкиной повернуть опять на Срѣтенскъ и оттуда въ Усть-Кару. Въ Бянкиной, или иначе въ Борщовско-Бутинскомъ заводѣ, я ночевалъ и утромъ 6-го мая осмотрѣлъ собираемый тутъ на Шилкѣ 100-сильный пароходъ, построенный на Бутинскомъ же Николаевскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ. Собираетъ англичанинъ. «Тутъ все съ Николаевскаго завода, нѣтъ ни одного гвоздика чужаго-заграничнаго»—сказалъ мнѣ англичанинъ съ своего рода гордостью, достойной истаго русскаго. Здѣсь имѣется и паровая мельница и зерносушилка и механическое обширное заведеніе. На винокуренномъ заводѣ дѣйствуетъ уже новый очистительный аппаратъ.

Изъ Срѣтенска, за неимѣніемъ парохода, пришлось плыть до Усть-Кары въ обыкновенной лодкѣ, на веслахъ. Лодка текла, приходилось воду вычерпывать. Розыскъ бѣжавшихъ въ полномъ ходу. 4-хъ уже задержали. Остальные плывутъ, будто-бы, внизъ по Амуру.

13-го мая, выѣхалъ изъ Усть-Кары обратно въ Нерчинскъ, откуда проѣхалъ (по пути въ Читу) на Дарасунскій золотой промыселъ, принадлежащій Бутину. Тутъ добываютъ золото, какъ поверхностной разработкой (снятіемъ торфовъ), такъ и въ шахтахъ. Здѣсь работаютъ до 80

каторжныхъ, разряда исправляющихся, подъ надзоромъ казачьяго офицера. Отсюда я направился безостановочно въ Читу.

Здѣсь, на грани Забайкалья, сводя свои впечатлѣнія по ознакомленію съ Амурскимъ краемъ, я не могу не остановиться на необходимости выдѣленія его въ самостоятельное генералъ-губернаторство, со включеніемъ въ него Забайкальской области, Сахалина и Камчатки. Какъ ни спеціальны были мои занятія по порученному мнѣ дѣлу по ссылкѣ и каторгѣ, но они затрогивали столько пружинъ правительственныхъ и частныхъ въ краѣ, что мнѣ довелось, благодаря, какъ самымъ разъѣздамъ, такъ и особо-благопріятно сложившимся обстоятельствамъ, достаточно ознакомиться со страною и съ ея настоятельными надобностями. Къ числу же сихъ послѣднихъ безспорно принадлежитъ безотлагательное осуществленіе давняго, не разъ возникавшаго предположенія объ образованіи тутъ отдѣльнаго отъ Иркутскаго генералъ-губернаторства—особаго административнаго и военнаго центра управленія. Еще графъ Муравьевъ-Амурскій настаивалъ на этомъ. Польза же этой мѣры раздѣляется тутъ всѣми, да врядъ ли возможно отрицать значеніе ея, какъ въ административномъ отношеніи, сокращая разстоянія и приближая центръ управленія, такъ и въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ по ближайшей смежности съ китайской границей [1]).

---

[1]) Соображенія эти, болѣе подробно изложенныя, нашли себѣ мѣсто въ моемъ отчетѣ по обозрѣнію тюремной части въ Сибири. Отчетъ этотъ былъ напечатанъ и разсмотрѣнъ, при моемъ участіи, въ Совѣтѣ по тюремнымъ дѣламъ, въ засѣданіяхъ 23-го октября, 1-го и 8-го ноября 1882 года, въ составѣ слѣдующихъ лицъ: предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ, члена Госуд. Сов. М. Н. Любощинскаго и членовъ Совѣта по тюремнымъ дѣламъ: членовъ Госуд. Сов. К. П. Побѣдоносцева и М. Е. Ковалевскаго и сенаторовъ: Э. В. Фриша, А. Д. Шумахера и С. А. Мордвинова и ст. сов. Н. В. Муравьева.

Приступая къ разсмотрѣнію отчета и въ виду возбужденныхъ въ немъ нѣкоторыхъ вопросовъ, не касающихся прямо и непосредственно тюремной части, Совѣтъ подвергъ предварительно обсужденію—могутъ ли таковые вопросы подлежать разсмотрѣнію Совѣта по тюремнымъ дѣламъ. „Принявъ „во вниманіе, что развитіе тюремнаго дѣла вообще, и особенно въ такомъ „краѣ, какъ въ Сибири, гдѣ тюремная часть искони составляла одну изъ са„мыхъ важныхъ задачъ управленія, находится въ тѣсной связи и непосред„ственной зависимости отъ разнаго рода административныхъ мѣропріятій по „самымъ разнообразнымъ вѣдомствамъ,—Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что „ему необходимо уяснить себѣ по каждому отдѣльному вопросу эту связь и „зависимость; для этой же цѣли Совѣтъ долженъ войти въ разсмотрѣніе всѣхъ „вообще предположеній, такъ или иначе касающихся тюремной части, хотя „бы они относились къ компетенціи другихъ вѣдомствъ“. Согласно сему Совѣтъ коснулся и возбужденнаго вопроса объ учрежденіи отдѣльнаго генералъ-губернаторства на Амурѣ. „Не входя въ обсужденіе этого вопроса въ виду его „обширности и совершенно-исключительной важности по значенію сколько въ „административномъ вообще, столько же и въ политическомъ и военномъ

Простившись съ Читой, а потомъ и съ Верхнеудинскомъ, я заѣзжалъ по пути въ Троицкій монастырь и затѣмъ съ первымъ пароходомъ переправившись черезъ Байкалъ,—26-го мая прибылъ въ Иркутскъ. Это былъ мой четвертый и на этотъ разъ послѣдній пріѣздъ сюда.

За годъ почти времени я успѣлъ полюбить Сибирь. О пережитомъ же тамъ времени сохраню навсегда лучшія воспоминанія.

„отношеніяхъ, Совѣтъ—какъ было выражено въ его журнальномъ постановленіи—счелъ, однако, нужнымъ заявить, что для прочнаго устройства собственно тюремной части въ Восточной Сибири, разрѣшеніе настоящаго вопроса въ объясненномъ выше смыслѣ по тѣмъ основаніямъ, которые были высказаны тайн. сов. Галкинымъ-Враскимъ, нельзя не признать желательными". Присоединяясь къ сему, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Д. А. Толстой, далъ дальнѣйшее движеніе настоящему предположенію. Сообщая таковое на заключеніе военнаго министра и также министра иностранныхъ дѣлъ, графъ Толстой пояснилъ, что „едва-ли вообще полезность сосредоточенія въ болѣе сильныхъ рукахъ завѣдыванія столь новымъ еще Амурскимъ краемъ можетъ подлежать сомнѣнію и что въ этомъ случаѣ вопросъ сводится лишь къ практическому разрѣшенію".

Генералъ-адъютантъ Ванновскій, въ своемъ отзывѣ, отъ 23-го мая 1883 года, сообщилъ свои, въ томъ же направленіи, соображенія относительно необходимости объясненной мѣры, при чемъ присовокупилъ, что „въ виду полученнаго имъ высочайшаго указанія объ образованіи особаго совѣщанія для всесторонняго обсужденія нашего военнаго и политическаго положенія на прибрежьѣ Великаго океана и Приамурскомъ краѣ, при измѣнившейся политикѣ Китая, онъ полагаетъ испросить высочайшее повелѣніе на то, чтобы этому совѣщанію поручено было обсудить, въ главныхъ основаніяхъ, вопросъ о переустройствѣ управленія Восточною Сибирью, съ учрежденіемъ отдѣльнаго самостоятельнаго центра для Приамурскаго края".

Съ своей стороны, статсъ-секретарь Гирсъ сообщилъ, „что громадное протяженіе пограничной черты, находящейся въ вѣдѣніи генералъ-губернатора Восточной Сибири, и значительное разстояніе, отдѣляющее многіе изъ ея пунктовъ отъ Иркутска, составляютъ существенныя неудобства, постоянно выражающіяся въ осложненіяхъ на нашей границѣ съ Китаемъ, въ особенности въ нижней части Уссурійскаго края, почему учрежденіе генералъ-губернаторства на Амурѣ не преминетъ, въ значительной степени, облегчить обязанности властей нашихъ по устройству положенія дѣлъ, какъ въ означенномъ краѣ, такъ и на его границѣ".

Упомянутое въ отзывѣ военнаго министра совѣщаніе, согласно послѣдовавшему высочайшему повелѣнію, было вслѣдъ затѣмъ образовано, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента экономіи Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютанта графа Баранова, въ составѣ министровъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, военнаго, финансовъ и путей сообщенія, управляющаго морскимъ министерствомъ, членовъ Государственнаго Совѣта: генералъ-адъютантовъ графа Игнатьева и Лесовскаго, начальника главнаго штаба, главнаго интенданта, товарища министра иностранныхъ дѣлъ, начальника Азіатскаго департамента и начальника главнаго тюремнаго управленія.

Высокопреосвященный Веніаминъ, дѣлая свой объѣздъ по епархіи, поджидалъ меня на станціи за Иркутскомъ и благословилъ образомъ.

Переѣздъ изъ Иркутска предстоялъ безостановочный, такъ какъ всѣ служебныя занятія были мною закончены. Тѣмъ не менѣе пришлось ѣхать крайне медленно, вслѣдствіе убійственной дороги, размытой дождями и еще неисправленной. Такимъ образомъ, выѣхавъ изъ Иркутска 1-го іюня, я только 9-го добрался до Томска, гдѣ поджидавшій пароходъ разводилъ уже пары.

Потомъ дополнительно въ составъ совѣщанія поступили: министръ юстиціи, управляющій министерствомъ Государственныхъ имуществъ, Государственный контролеръ и нашъ посланникъ въ Японіи. Сверхъ того, по распоряженію предсѣдателя, были приглашаемы въ засѣданія и нѣкоторыя другія лица.

Дѣлопроизводителемъ-докладчикомъ состоялъ генералъ-маіоръ Петровъ, нынѣ начальникъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ.

Въ результатѣ занятій этого совѣщанія, независимо обсужденія различныхъ мѣропріятій по военному вѣдомству, послѣдовало опредѣленіе объ учрежденіи Приамурскаго генералъ-губернаторства, каковое затѣмъ, согласно внесенному, въ декабрѣ 1883 года, представленію министра внутреннихъ дѣлъ въ Государственный Совѣтъ, и было высочайше утверждено.

Въ дѣлѣ мѣстныхъ пограничныхъ сношеній—для коихъ учрежденіе самостоятельнаго административнаго и военнаго центра въ Приамурскомъ краѣ получало особое значеніе,—не лишне будетъ привести здѣсь имѣвшіяся въ виду означеннаго совѣщанія, весьма вѣскія, для того времени, обстоятельства, а именно: фактически было обнаружено стремленіе манчжурскихъ властей подчинить не только своему вліянію китайское населеніе Южно-Уссурійскаго края, но и ввести среди его свое управленіе, чинить судъ и расправу. Оказалась такого рода тайная организація, что одинъ изъ проживавшихъ на рѣкѣ Сучанѣ манзъ, Лигуй, назначенный, по богдыханскому указу, начальникомъ своихъ единоплеменниковъ, составилъ изъ нихъ вооруженную шайку и распорядился укрѣпленіемъ нѣсколькихъ пунктовъ. Потребовалась посылка на рѣку Сучанъ нашего военнаго отряда, для возстановленія порядка. Въ распространяемыхъ среди манзовскаго населенія объявленіяхъ внушается, что и самый Южно-Уссурійскій край находится лишь во временномъ владѣніи Россіи. Въ пограничномъ селеніи Савеловкѣ, прибывшимъ въ августѣ 1882 года начальникомъ Гиринской области, выше мною, въ бытность во Владивостокѣ, упомянутымъ,—Ли-Цзинъ-Юномъ, было потребовано отъ постоваго начальника—очистить военный постъ съ мѣсячный срокъ, съ угрозой при неисполненіи употребить силу. Въ объясненіе приводилось, что эта мѣстность принадлежитъ Китаю, при чемъ оказался скрытно перемѣщеннымъ граничный столбъ на рѣкѣ Тумень-Ула. Съ нашей стороны былъ высланъ военный отрядъ для занятія имъ Савеловки и было предъявлено требованіе китайскимъ властямъ объ удовлетвореніи за совершенныя еще при томъ разныя безчинства. Указаніе на неправильность границы, невѣрность, будто бы, карты было еще заявляемо по отношенію къ заливу „Посьетъ", въ цѣляхъ его возвращенія, такъ какъ, по откровенному объясненію манчжурскаго даотая У, главноначальствующаго гражданскою частію въ Манчжуріи, для развитія этой провинціи необходимо владѣніе заливомъ Посьетъ.

*

На 3-й день хода, 11-го іюня, пароходъ, на которомъ я шелъ, носящій имя генерала «Бѣленченко», повстрѣчался съ пароходомъ «Косаговскій», такъ прозваннымъ по имени бывшаго директора департамента полиціи исполнительной. Случайная встрѣча. Оба эти лица извѣстны, какъ бывшіе друзья и сослуживцы—начальные устроители водной и конной перевозки арестантовъ. На пароходѣ «Косаговскій» слѣдовалъ возвращавшійся изъ Петербурга генералъ-губернаторъ Анучинъ. По предварительномъ сношеніи, пароходы пріостановились, и благодаря этому, я могъ посѣтить Дмитрія Гавриловича, обмѣняться съ нимъ мыслями и хотя нѣсколько переговорить о взаимно интересовавшихъ насъ дѣлахъ...

М. Галкинъ-Враской.

